

Я тебя не знаю

Автор:

Ульяна Соболева

Я тебя не знаю

Ульяна Павловна Соболева

Женя прожила в браке с мужем более двадцати лет. У них три чудесные дочки. Но однажды она узнает о предательстве и измене мужа и они расстаются. Женя изо всех сил пытается строить новую жизнь, пока ей вдруг не звонят из больницы и не просят приехать за Кириллом, который получил травму и ничего не помнит. Что это? Насмешка судьбы или шанс начать все сначала? Ведь Женя по-прежнему любит Кирилла, но прощать его не намерена. В оформлении обложки использована фотография автора konradbak (Konrad Bak) ресурс depositphotos. Лицензия 114811686. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА 1

Я никогда не задумывалась о том, что такое любовь. Зачем? Она у меня была – светлая, красивая, блестящая, как обертка шоколадных батончиков «маки» или «каракума». Помню, как всегда с каким-то снисходительным сочувствием смотрела на разведенных женщин или на тех, кто вступали в повторный брак. Мне казалось, они просто не боролись за свое счастье и вели себя неправильно в семейной жизни. Что значит – неправильно? Наверное, они не прощали своим мужьям мелких проступков, не умели уступать... у них был отвратительный секс, они запустили себя и так далее, и тому подобное. У меня было много надуманных причин, почему у них не сложилась семейная жизнь, а у меня все прекрасно.

Мне так казалось... Что у меня все прекрасно. Ведь я была замужем двадцать один год. Я была с ним вместе уже на четыре года больше, чем вообще жила сама, до него.

У нас трое детей, мы оба работаем на любимой работе, у нас нет проблем с деньгами, мы почти никогда не ссорились... До последних нескольких месяцев.

Я всегда считала себя счастливой. Да, именно счастливой в полном смысле этого слова. Без оговорок, оглядок на пресловутое «но». Скучно, банально и отвратительно счастливой. Определенно отвратительно. Почему-то я сейчас могла сказать о своем счастье именно это слово. Оно заклинило у меня в голове, пока я медленно разрывала наши семейные фотографии на тонкие полоски.

Так бывает – живешь с человеком, считаешь его родным, почти сросшимся с тобой сиамским близнецом, думаешь, что знаешь каждую его привычку, каждую родинку на теле, вкусы, предпочтения в еде и в музыке, и вдруг оказывается, что все это время ты жила в своей собственной сказке, в которой счастлива была только ты одна.

Я разорвала еще одну фотографию на кусочки и высыпала обрывки в мусорное ведро. Их были тысячи, этих снимков, где мы с Кириллом вдвоем или с нашими дочерьми. Я любила их фотографировать. Его и девочек. Фотография оставалась моим хобби и сейчас. Достала еще одно фото и даже не заметила, как по щекам катятся слезы, а снимок троится перед глазами, как размазанный акварельный рисунок.

Мы вдвоем на нашей очередной годовщине, кажется, лет десять назад. У меня другой цвет волос, я на несколько килограммов худее и на лице на несколько морщинок меньше. И он... совсем не изменившийся, только седых волос еще нет на висках и немного тяжеловатого взгляда, как сейчас. А лицо такое же красивое с забавными морщинками в уголках глаз, родинкой у виска, в бело-черной рубашке, которую я подарила ему на эту годовщину. Сколько раз я прижималась к той родинке губами и чувствовала пульсацию жилки под ними...

Внутри больно защемило, так больно, что я не могла вдохнуть, только рот широко открыла и тихо завывала, тонко, на высоких тональностях. Боже! За год можно было привыкнуть, что мы не вместе... Но я не привыкла и теперь отмечала нашу годовщину в одиночестве с бокалом вина и несколькими

семейными альбомами. Обвела в календаре черным маркером дату 27 сентября и разревелась в голос, закрывая рот двумя руками, чтобы не разбудить девочек.

За двадцать лет пройдено так много: и развал его первого бизнеса, и тяжелые времена без дома, без денег, скитание по съемным квартирам и смерть его отца. Много всего, что могло бы сломать, разбить, пошатнуть наши отношения. И я свято верила в то, что после всего дерьма, которое мы хлебнули вместе, нас уже ничто не разлучит. Мы – это единое целое.

Вот там... на этом фото я еще не задумывалась о том, что он старше меня всего на пять лет, и что еще лет через десять он будет всего лишь сорокалетним красавцем, а я теткой бальзаковского возраста со следами былой красоты и ушедшей молодости. Я не задумывалась об этом и год назад, когда все еще спала у него на плече, и он называл меня своей маленькой девочкой, включал ночник, когда мне снились кошмары, а потом перебирал мои волосы или водил кончиками пальцев по моему плечу, пока я не усну снова. Это ощущение любви, оно не могло быть фальшивкой... оно не могло мне казаться. Неужели человек может лицемерить до такой степени?

Я узнала, что он мне изменяет так банально, так шаблонно и обыденно, что мне даже стало смешно. Как будто мне подсунули все это специально. Забытый дома телефон, не стертая смска, не успел выйти из аккаунта в соцсети, потому что опаздывал на работу. Пока смотрела на их переписку, на эти пошлые словечки, намеки, подтексты, время свиданий, в голове нарастал треск и гул... я буквально физически чувствовала, как мое счастье разваливается на части, и я покрываюсь толстым слоем грязи и копоты. На мне словно выступает его ложь. Жирными, лоснящимися пятнами. Она даже имеет запах. Тошнотворную вонь мертвечиной. Это наша любовь умерла и завалилась непогребенная, пока я не нашла ее где-то в подворотне изрезанную и истоптанную тем, кто обещал, что она будет жить вечно.

И тогда я начала отматывать нашу жизнь назад, как киноленту, постепенно понимая, что не было в ней ничего идеального. Все произошло не сегодня и не вчера. Не неожиданно, как казалось мне, а вполне ожидаемо. Я оказалась скучной, серой, нудной женой, от которой сбежали в мир радужных красок и приключений. Да, у нас последнее время не ладилось. Но у кого бывает все хорошо всегда? Есть периоды недопонимания, отчуждения. Кто много лет живет в браке, поймет, о чем я. Это уже никого не настораживает. Это просто еще один этап и уровень. Нет, мы не ругались. Пора скандалов закончилась еще в первую

пятилетку. Мы именно отдалились. Кирилл приходил с работы все позже, перебрасываясь со мной парой фраз и уходил к себе в кабинет, а я... я, наверное, должна была вести себя иначе, но я не лезла в душу. Может, стоило лезть? Тогда все это не было бы для меня таким ударом.

И теперь я каждый день думала о том, что все рушится, расползается по швам, как лапша по тарелке. Он прокрутил наш брак через мясорубку самого циничного и в тоже время обиденного мужского предательства. Он раскрошил ее на осколки, а сам остался целым и невредимым, без единой царапины.

О таких, как я, всегда говорят с жалостливой усмешкой, о таких, как он, с нотками презрительного восхищения. Снисхождение к мужским недостаткам. В статьях и пабликах соцсетей сопли и слюни несчастных любовниц, к которым почему-то не уходят от старых сук жен. И толпы им сочувствующих таких же лицемеров, которые сами пока не стали чьими-то женами. «Бедный, несчастный, ему было так плохо, ему все надоело, и он не сдержался. Сколько можно терпеть под боком одну и ту же старую бабу, хочется молодого и сочного тела».

Так будет всегда. Мир отдан мужчинам. Им можно творить что угодно, они же самцы. Природа устроена так, что они имеют право от нечего делать, от банальной скуки изодрать вам в клочья сердце и претендовать на прощение только потому, что не смогли удержать свой член в штанах и взобрались на сучку покрасивее и помоложе вас. От желания поест пресловутого французского супа, когда дома подают осточертевший борщ. И еще, конечно же, в свое оправдание кричать, что любят-то они вас, а это так, случайно и ничего не значит.

Для них ничего не значит, а для нас? Для меня это стало точкой невозврата. Я бы многое могла ему простить, но не предательство, не планомерное, долговременное мерзкое предательство, после которого он приходил домой, прикасался ко мне и говорил, что любит. Проклятый лицемер.

Никто и никогда не думал, а каково это быть преданной спустя двадцать лет брака. Обыденно, да? Скучно и не интересно? «Ах, ей ведь тридцать восемь, ну понятно, что ему захотелось помоложе. Погуляет и домой вернется. Зачем из-за этого разваливать брак?». И меня начинает тошнить. Да, действительно, зачем? Ведь я уже никому не нужна, у меня трое детей, обвисшая кожа на животе, не стоячая грудь, целлюлит на заднице, тараканы в голове и... безумная, какая-то животная любовь-ненависть к проклятому предателю, который разорвал мою

жизнь на «до» и «после».

Все считали, что я была должна его простить и молиться, чтобы он не ушел из дома. Держать его руками и ногами. Ради детей, ради денег и черт его еще знает ради чего. Так принято. Многие так живут. А я не многие. Я – это я. И прощать не намерена. А он и не просил прощения.

Я порвала еще один снимок и швырнула туда же в мусорку. Зазвонил мой сотовый смешной, детской мелодией «мама для мамонтенка». Я на автомате потянулась к смартфону.

– Да, милая.

– Ма, я хочу остаться у Нелли еще на час.

Устало опустила руки и бросила взгляд на часы.

– Нет. Я не смогу тебя забрать, у меня сломалась машина, а я не хочу, чтоб ты шла домой сама.

– Если бы папа был с нами – он бы меня забрал.

Легкий укол, но прямо в сердце. Детская жестокость не знает границ.

– Ничего не мешает папе тебя забрать, даже когда он не с нами. Ты можешь ему позвонить.

– У него отключен телефон.

Значит, уже звонила. Сердце болезненно сжалось. Жалко детей. Они безумно по нему скучали с такой раздирающей душу тоской. Пусть он почти не бывал дома из-за работы, но он любил наших дочерей и был хорошим отцом.

Слово «был» резануло по нервам и вызвало першение в горле. Конечно, он и останется для них отцом, несмотря на наш развод. Да, это я так решила. Но от этого не менее больно. Потому что нести ответственность за свои поступки – мне и видеть упрек в глазах детей тоже мне, и слышать нотки ненависти в голосе

свекрови тоже мне, и понимать, что это я не умею прощать, и умолять остаться с нами. Это я делаю всех несчастными.

«Значит, Киру это было нужно. Ты – жена. Ты не додала. В измене виноваты оба. Будь умной, Женя... я прожила в браке больше тридцати пяти лет, я знаю, что говорю. Удержи его, старайся. Не разрушай семью».

Голос свекрови звучал в ушах снова и снова. И мой мысленный голос ей в ответ: «Ты и я – два разных человека. Ты смогла, а я не могу. Не могу жить с предателем. Думать о нем не могу, слышать не могу... Да и он от меня устал. Он даже не пытался что-то исправить».

– Мааам, ты уснула?

Поняла, что так и не дала дочери ответ и она все еще ждет на линии.

– Хорошо, оставайся на час и возьми такси. Будешь подъезжать к дому, позвони, я спущусь.

– Пополни мне мобильный.

– Пополню.

– Мам.

– А.

– У тебя все в порядке?

– Да. У меня все в порядке.

– Точно?

– Точно, моя хорошая. Жду тебя дома.

Я не стала ей говорить, что если бы ее отец оставил мне свою машину, то я бы сама за ней приехала. До такой мелочности я не опустилась. Мы только начали делить имущество, и Кирилл забрал новую машину себе. Ему она нужна по работе, а у меня осталось старенькое «Рено», которое каждые пару месяцев попадало в ремонт. Это ужасно – говорить о таких вещах с тем, с кем мог одной и той же зубной щеткой чистить утром зубы, чью майку носил летом дома, наслаждаясь до боли родным и любимым запахом.

« – Вот скажи, Авдеев, как можно довести щетку до такого состояния? Ты ею трубы чистишь или зубы?

– Оставь в покое мою щетку, она только моя, и мне нравится, как она выглядит.

– Она похожа на дикобраза.

– Это значит, что я чищу зубы лучше, чем ты.

– Это значит, что ты зверствуешь, Авдеев.

– Дааа, Снежинка, я зверь. Скажи Авдеев – ты зверь.

– Дикобраз, насилующий зубные щетки.

– Только щетки?...»

Снова зазвонил сотовый, и я с раздражением увидела на дисплее номер свекрови «мама Света». Двадцать лет я называла её мамой. Сколько времени займет начать называть ее Светланой Владимировной? Года оказалось мало.

– Женечка, добрый вечер.

– Добрый вечер, – ответила я и разорвала очередную фотографию, на которой Кирилл показывал мне язык. Кажется, это было на море двенадцать лет назад, и я как раз была беременна Машей.

– Кирилл не звонил тебе на этой неделе?

– Нет, не звонил, – я с болью подумала о том, что самое трудное во всем проклятом расставании – это отвыкнуть от его звонков, его голоса, его присутствия в моей жизни. Отвыкнуть от мелочей, которые отработаны до автоматизма, и без них ты чувствуешь словно кого-то похоронила. Словно оплакиваешь мертвеца и понимаешь, что уже никогда не будешь с ним вместе, потому что он умер. Развод – это самое ужасное, что может пережить женщина. Пусть психологи говорят, что хотят, и эмансипированные феминистки тоже. Я знаю, насколько это больно после двадцати лет брака просыпаться в постели одной.

– Я начинаю нервничать. Не могу до него дозвониться. Такого никогда не было. Первые дня три я думала, что он занят с новым проектом, а теперь места себе не нахожу.

Всегда есть первый раз. Мне он тоже раньше не изменял... Не говорил, что ему уже давно тошно на меня смотреть, что его бесит, как я варю борщ, что ему опостытели мои кислые компоты, и вообще, он никогда не любил крепкий чай и его мутит от запаха моего парфюма.

– Позвоните Олегу. Может быть, он знает, где ваш сын.

– Я звонила. Олег тоже не общался с ним несколько дней. Сказал, что Кирилл должен был приехать к тебе, привезти бумаги о разводе. Он приезжал?

Я бросила взгляд на пухлый конверт, который все еще лежал на столе, и к которому я так и не смогла прикоснуться.

– Нет, не приезжал, – не знаю почему, но я ей солгала, – мам, вы ложитесь спать. Поздно уже. Может, он по работе за город поехал, и там нет связи. Помните, как в прошлом году. Он обязательно позвонит, как сможет.

Захотелось посоветовать ей позвонить Алине, его любовнице, но я не стала. Хотя у меня был номер ее телефона. Да что там – у меня был и адрес. Когда тебя предают, хочется знать ради чего. А точнее, ради кого это все. На кого тебя променяли... а еще – за что. Но ты получаешь ответ только на один вопрос – на кого... а «за что» всегда остается за кадром. До того момента, пока он сам не решит тебе все рассказать, но лучше бы ты этого не знала.

- Если он объявится – дай мне знать. В любое время, Жень.
- Вряд ли он позвонит мне, даже если будет при смерти.
- Зря ты так. Кирилл любил тебя, и ты для него не последний человек.
- Кирилл любил и любит только себя. Позвоните Аличке. У вас есть ее номер телефона? – не удержалась, прикусила язык, но уже поздно.
- Какой такой Аличке?
- Ну, его женщине.
- Женя, у Кирилла нет никаких других женщин. Я бы об этом знала.

Святая материнская наивность считать, что они все знают о своих детях.

- Я не хочу сейчас говорить об этом. Вы примите валерьянку и ложитесь спать. Он объявится. Обязательно. Спокойной ночи.

- Жень, ты привези ко мне девочек в выходные, хорошо?

- Привезу. Не переживайте. Разводимся только мы с Кириллом, а не вы с внучками.

Я отложила смартфон в сторону и пошла проверить, как там девочки.

Маша уснула на диване, как и всегда перед телевизором, и, если бы муж был дома, он бы перенес ее в детскую. Для меня она уже слишком тяжелая. Я наклонилась к дочери, поправила золотистые пряди волос за ухо, принесла одеяло из ее комнаты и, укрыв ее, подоткнула со всех сторон. Она вечно раскрывается по ночам. Заглянула в детскую – Лиза тоже спит, обняла медведя и посасывает большой палец. Вспомнилось, как мы в третий раз ждали мальчика, я даже расстроилась на УЗИ, а Кирилл был рад. Он сказал, что девочки всегда папины. Это было шесть лет назад. Всего лишь шесть лет. А тогда он уже изменял мне? Как часто он предавал меня? С кем? О скольких таких Аличках я не знаю? Как я вообще ему могла доверять?

ГЛАВА 2

Прикрыла дверь в спальню младшей дочери и пошла на кухню ставить чайник. Проверила есть ли горячая вода и включила бойлер. Скоро вернётся наша старшая и непременно пойдет в душ. Я бросила взгляд на часы и невольно поймала свое отражение в зеркале.

Мы видим себя каждый день, остаемся для себя все такими же, как и двадцать лет назад, а из зеркала на нас смотрит лицо, к которому привыкли, но другие видят, как мы меняемся. Им это заметно лучше. И я тоже увидела. На наших фотографиях. Какой была и какая я сейчас. Нет, не уродина, не старая, но уже не такая... присмотрелась и с ненавистью вырвала седой волос на виске. Пальцы пробежались по скулам и подбородку, разглаживая кожу. Без макияжа выгляжу на свой возраст, и полнота уже так быстро не уходит, несмотря на тренировки в спортзале. Третьи роды оставили свои следы на теле. Разве что лечь под скальпель, обколоться ботоксом, сделать липосакцию. Хотя у меня сейчас на это нет лишних денег. Я теперь мать-одиночка, даже несмотря на то, что Кирилл дает деньги на девочек и я работаю, их теперь у нас далеко не так много, как было раньше. Я предоставляю ему отчет о тратах и не беру себе ни копейки. А может, стоило все же подтянуть кожу вот здесь и здесь... и живот убрать. Может быть, тогда он не смотрел бы на других женщин. Такие мысли пришли в голову только сейчас... раньше я почему-то об этом не думала. Наверное, это моя вина. Нужно было думать. Нужно было не носить при нем в доме старую майку и шорты, не завязывать гульку на затылке, не ходить в «маске» для увлажнения кожи, брить ноги каждые два дня, прятать гигиенические прокладки подальше в шкаф и просыпаться всегда накрашенной. Быть той самой оберткой от шоколадки. А мы всегда считаем, что если мужчина принадлежит нам, то больше не нужно заморачиваться и можно быть самой собой. Нельзя! Это не ваша мама и не ваша подружка. В один прекрасный день вы станете для него чем-то вроде предмета мебели, потому что выглядите именно так, как удобное, старое кресло, и почему бы его не поменять на новое, более красивое, с разными навороченными девайсами в виде силиконовой груди, наращенных ногтей и ресниц.

Мужчины любят конкуренцию. Им нужно здоровое соперничество. А мне на улице уже не смотрят вслед, не сигналият из автомобилей. Да, те, что постарше, еще обращают внимание... постарше лет на десять-пятнадцать. К таким разве

ревнуют?

Я вдруг подумала о том, что, когда тебе далеко за тридцать, ты становишься кем-то средненьким, еще не старухой, но уже и не молодой. Ты все чаще думаешь о том, сколько лет еще ты будешь привлекательной и как долго будешь заниматься сексом? Когда у тебя начнется пресловутый климакс? И с того момента женщиной ты будешь только называться... И что самое обидное – с ними этого не произойдет. Они останутся мужчинами до самой старости, пока стоит член и есть желание трахаться.

Но почему? Неужели человек любит и хочет тебя, только пока ты похожа на модель и у тебя все упругое и стоячее. Любит за внешность? И вот в этот самый момент ты начинаешь видеть истину – а никому ты не нужна со своими проблемами, лишним весом, морщинами, плохим настроением. Потеряй ты руку или ногу, тебя выкинули бы точно так же. И человек рядом с тобой не родной и близкий, а потребитель. И потреблял тебя, пока ты не сломалась или не истек срок годности, а потом поменял на другую модель, чтобы теперь потреблять ее. А тебя... тебя можно было бы и оставить про запас, чтоб иногда потряхнуть стариной и понастальгировать, но ты окончательно испортилась и отказалась работать по прежней схеме. То есть, по сути, сама все окончательно испаршивела. Значит, сама и виновата. И нет никакой любви до гроба. Нет верности. Нет доверия. Это вам не мама с папой и не ваши дети. Не обольщайтесь. Сейчас он рядом. Покупает вам шубу, пишет смски, называет «зайкой», бегаёт в магазин за прокладками, а завтра исчезнет из вашей жизни, чтобы покупать все это кому-то другому, потому что у нее грудь торчит торчком, попа круглее и смотрит на него как на Бога. А ты... ты то на него так никогда не смотрела, потому что сама этого Бога из него создавала.

Меня задушило приступом ненависти к нему. Едким, накрывающим с головой приступом ярости. Как он смел отобрать у меня двадцать лет жизни? Как смел предать тогда, когда это больнее всего. Еще десять лет назад, когда мы сильно повздорили и я ушла к маме, а он вернул меня обратно, мне было двадцать восемь, и я могла устроить свою жизнь, я все еще считалась молодой. Пусть многие скажут, что и в тридцать восемь – это молодость, что женщина в самом соку, что прям живи и радуйся жизни. Они либо оптимистки, либо дуры, что в принципе одно и то же. Это, конечно, неплохой метод борьбы с когнитивным диссонансом, но если в ваши тридцать восемь вас променяли на двадцатипятилетнюю свиристелку, то у вас возникает закономерный вопрос и вполне закономерный на него ответ. Почему, например, вас не променяли на

пятидесятилетнюю? Смешно, правда?

Я распустила волосы и заправила их за уши. На шее поблескивала цепочка, подаренная им на день рождения в позапрошлом году. Рванула ее и, сжав в кулаке, смотрела себе в глаза. А ведь я его любила все эти годы. Об этом редко задумываешься. Через двадцать лет вас уже не шатает от страсти, и в животе не прыгают бабочки, а секс, скорее, четко отработанный механизм, работающий без сбоев. Муж превращается в кого-то типа родного брата или лучшего друга... Вы испытываете к этому человеку безграничную нежность, уважение, трепет, иногда желание... но оно уже мало напоминает то самое бешеное ощущение, которое он вызывал в вас пусть даже десять лет назад. И только когда вас предадут, вы понимаете, насколько любили и насколько вам больно...

Вернулась в спальню и, судорожно выдохнув, невольно потянулась к конверту. Сейчас я просто устало распечатала и достала бумаги. Муж подписал документы о разводе. Я смотрела на его размашистую подпись, слегка корявую завитушку на букве «К» и вдруг поняла, что его рука дрогнула, когда он поставил последнюю жирную точку в нашем с ним браке. О чем он думал, когда расписывался? Думал о том же, что и я? Ему хотя бы немного было больно? Или мы на самом деле настолько чужие?

Я долго не верила, что их придется подписать, что он принесёт их мне и положит на стол, осматривая нашу кухню циничным взглядом, словно прикидывая, что еще можно у меня отобрать. Внутри образовалась пустота, дыра, кровоточащая незаживающая рана. Оторванные с мясом двадцать лет моей жизни, где я была счастлива, любила, смеялась... Вот и все, Авдеев...все кончено, и ты теперь свободен. Ты счастлив? Ты этого хотел, когда трахал ее на своем рабочем столе в кабинете, к которому мы с тобой вместе обдумывали дизайн?

А чтобы ты сказал, если б узнал, что я переспала с твоим лучшим другом на нашей с тобой постели, и теперь он таскается к нам домой с дурацкими букетами, носит конфеты для Лизки и лапает меня в своей машине, когда забирает домой из офиса. Ты бы разозлился? Скорее всего, нет. Ты ведь теперь тоже ездишь к ней домой, не скрываешь ее от своих друзей и забираешь с работы. Хотя о чем это я – вы же вместе работаете. Как удобно, не правда ли?

Я медленно достала из подставки шариковую ручку и сжала ее в дрожащих пальцах. Пыталась и не могла подписать, не могла, словно вот он последний

шаг, который окончательно сделает нас чужими. Ведь для меня он все еще родной... я вижу его в наших дочерях, я ловлю себя на мысли, что всегда готовлю ужин на пятерых и по-прежнему записываю его любимую телепередачу, жду, когда ключ повернется в двери, и он скажет привычное: «Снежинка, я дома», а простить не могу. А еще все время думаю о том, что он женится на НЕЙ после нашего развода. О том, как ОНА ждет этих проклятых бумаг, чтобы отобрать его у меня окончательно.

Я отпустила его без истерик и слез. С каким-то ледяным равнодушием больше похожим на приступ сумасшествия. Он тогда вернулся с работы, чмокнул меня в губы, и мне показалось, что это не поцелуй, а какое-то поглаживание старой преданной собаки по голове. По привычке и по инерции. Такое безэмоциональное «чмок». Как почистить зубы или сходить в туалет. А ведь раньше могли прямо у дверей заняться сексом, когда меня уносило только от его запаха.

От него и сейчас пахло его парфюмом и сигаретами. Пахло улицей и бензином. Родной-чужой запах, я смотрела в его глаза и понимала, что совершенно не знаю вот этого высокого, худощавого мужчину с темными волосами и пронзительными голубыми глазами. Я вижу его впервые в жизни. Потому что он уходил из дома родным и любимым, а вернулся подонком, разрушившим нашу жизнь.

– Что с тобой?

– Ничего. Ужинать будешь?

– Я не голоден. Поел с партнерами на работе.

Сцепила пальцы сильнее в диком желании едко спросить у него, чем она кормит его в обед? Чем таким, мать его, из того, что не готовлю для него я. Именно сейчас он казался мне красивым даже с этой его бородой, которая мне никогда не нравилась, но его это особо не волновало.

Да, казался мне ненавистно, отвратительно красивым и чужим. Настолько чужим, что внутри начинало жечь от боли каждый нерв. Наверное, влюблен в нее, поэтому и красив. Влюбленные всегда светятся изнутри.

– Дети уже спят?

- Да, давно.

Я пошла в комнату за его вещами, пока он мыл руки в ванной, и когда вынесла чемодан, его глаза округлились.

- Не понял.

- Ты уезжаешь сейчас жить к маме, другу или к твоей Аличке. Детям я скажу, что у тебя командировка. Мы обсудим этот вопрос в другой день, когда я буду готова обсуждать его спокойно.

- Снежинка, - лицо мужа скривилось, как от зубной боли.

- Женя. Теперь не снежинка. Забирай вещи, Кирилл, и уходи. Без истерики, без разборок. Имей мужество просто уйти.

- Я так понимаю, ты порылась в моем телефоне и сделала свои выводы? - прозвучало смешно и фальшиво.

- Избавь меня от объяснений. Уходи. Я хочу, чтоб ты ушел.

- Значит, уже все решила?

- Решила. Убирайся из этого дома и из моей жизни.

- Я и Алина...

Предостерегающий жест... только не ее имя сейчас. Не надо нажимать на спусковой крючок. Не надо меня сводить с ума разговорами о твоей двадцатипятилетней любовнице. Божеее! Банальней и не придумаешь. От омерзения вздрогнула.

- Просто уйди. Сейчас. Я больше не хочу тебя видеть. Я требую развода.

- Это было твое решение. Всегда помни об этом!

– Конечно, мое. Тебе было бы удобней сидеть одной задницей на двух стульях.

– Не было бы. Я бы и сам ушел от тебя, Женя.

– Что ж тянул? Не нашел удобного момента? Вот и убирайся сейчас! Я облегчу тебе задачу.

Тогда он ушел без скандала.

Это потом в разговорах с нашими друзьями он называл меня бесчувственной сукой, которая перечеркнула весь наш брак из-за одной его ошибки. Он говорил, что я сама приползу к нему на коленях и что он счастлив избавиться от меня, потому что его тошнило даже от звука моего голоса. Он говорил, что я останусь одна, потому что я никому не нужна с тремя детьми, и что я должна смотреть в зеркало повнимательней, чтобы видеть, в кого я превратилась, и что у него стоит на меня раз в неделю, и то потому что хочется хотя бы кого-то.

Грязная ложь... он брал меня так часто, как хотел.... А хотел каждый день. Даже в те моменты отдаления... у нас был секс. Да, почти каждый день, и именно поэтому я бы никогда не подумала, что он так подло меня предает. Что он трахает свою любовницу в рабочее и в не рабочее время, что он пишет ей долбаные смски. Я получила распечатку его звонков и сообщений. Везде ее номер.

Он меня бил. Низко, грязно и больно бил. Как он смел говорить это нашему общему другу, как вообще смел обсуждать меня с кем-то из них? Он рыл между нами пропасть глубиной в мою бесконечную ненависть и отчуждение. Я не верила, что все эти годы жила с человеком, способным сказать обо мне все это. Не в глаза, нет, а за спиной. Подло, мерзко и так отвратительно. Я никогда его не знала по-настоящему. И в этих бумагах, где забирал себе то, что считал своим..., наверное, это ломает сильнее, чем само предательство. Вот эта дележка имущества. Когда мелочно забираются какой-то диван или фотокамера, когда вспоминается кто и что покупал.

Нам только кажется, что мы знаем людей. Свое истинное лицо они показывают только тогда, когда мы гладим их против шерсти или наступаем им на горло.

Я смотрела на его размашистую подпись на бумагах и почувствовала, как по щекам снова потекли слезы. В этот момент зазвонил мой сотовый. Наверное, Алиска приехала домой.

- Добрый вечер. Я прошу прощение за беспокойство. Меня зовут Антон Валерьевич Соловьев. Я главврач травматологического отделения больницы номер восемь в областном центре города Как вас зовут?

- Евгения Павловна, а что случилось?

Город, который он назвал, на расстоянии трехчасовой езды на машине от нашего.

- К нам привезли мужчину с травмой головы, без документов, и мы нашли в кармане его куртки номер вашего телефона. С припиской «дом». Вы могли бы приехать и опознать его?

Внутри что-то словно оборвалось, и я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

« - Что ты там распихиваешь мне по карманам?

- Резинки, Авдеев, чтоб не заболел бякой и мне домой не принес.

- Ты дура, да?

- Нет. Трезво смотрю на вещи.

- Не трезво, а по-бабски. Так что ты туда положила, Снежинка?

- Авдеев - ты склеротик, и не помнишь ни одного номера телефона наизусть. Вот случится что, ты даже нам не позвонишь. Я всем вам в карманы курток положила свой номер. Написанный на бумажке. Дешево, сердито и надежно.

- Поцелуй меня очень сердито, и я пошел».

– Этот мужчина... он мертвый? – хрипло спросила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

– Нет. Он живой. Недавно пришел в сознание. Легкое сотрясение мозга. Но он ничего о себе не помнит. Так вы приедете?

Я несколько секунд смотрела на свое отражение в зеркале и потом ответила:

– Да. Конечно, я приеду.

ГЛАВА 3

Я нервничала. Так сильно нервничала, что мне казалось, по телу градом течет пот, и Славик, наверняка, чувствует неприятный запах. Мне всегда так казалось, когда я переживала. Потому что становилось жарко. Видимо, поднималось давление. Дома я сразу принимала душ и обрызгивалась дезодорантами. Я ужасно чувствительна к разным запахам и не могу спокойно стоять рядом с человеком, если мне не нравится его запах.

Но потом от меня не пахло, пахло туалетной водой от «Нина Риччи», которую, оказывается, мой муж всегда ненавидел, и бальзамом для волос, потому что я вымыла голову перед выходом из дома.

– Когда он тебе позвонил? – с какими-то странными нотками в голосе спросил Славик, и я наконец-то на него посмотрела. Бледный, слегка сонный, растрепанный. Пару пуговиц застегнул неправильно. Все же я его разбудила, хотя он и отрицал.

– Где-то час назад.

– Это может быть и не Кирилл, так что успокойся. Трясешься вся.

– Они нашли в кармане его куртки мой номер телефона.

Славик бросил на меня обеспокоенный взгляд и снова посмотрел на дорогу. Он был нашим старым другом. Точнее, другом Кирилла. Развелся лет одиннадцать назад и иногда приходил к нам со своей дочерью Полиной в гости. Она на пару лет младше нашей Алиски. С моим мужем они поссорились сразу после того, как тот ушел из дома. Я, конечно, подозревала, что из-за меня, но Славик отрицал. Он сказал, что Кирилл подставил его с бизнесом, и теперь им не о чем больше говорить. Я была склонна в это поверить. Сейчас. Раньше я бы даже не могла предположить, что мой муж может кого-то подставить. И да, именно с этим другом у меня случился роман. Это он таскал мне букеты роз и иногда оставался у нас ночевать. Только так, чтоб дети не видели.

- Они сказали, что у него серьезные травмы и он ничего не помнит.

- И что теперь? Ты побежала по первому зову?

Он вырулил на трассу и включил музыку в приемнике.

- А кто к нему должен побежать? Позвонили ведь мне.

- Например его мать или та телка, с которой он трахается. Прости... Просто после всего, что произошло, ты не должна была ехать. Вы уже год не живете вместе.

Внутри возникло отвратительное чувство, что мы говорим не о моем муже, а о каком-то ублюдке, который не стоит даже того, чтобы к нему приехали в больницу... Впрочем, так оно и было. Он вел себя, как последний ублюдок. Но... знаете, это очень странное чувство. Одно дело, когда ты сама обзываешь бывшего последним козлом и тварью, и совсем другое, когда это делает кто-то другой, посторонний. Кажется, что он оскорбляет и тебя саму, ведь это был твой выбор. Ты с этим козлом прожила двадцать лет, а значит, принимала его со всеми отвратительными недостатками. Я вдруг пожалела, что позвонила Славику. Надо было просто вызвать такси и никому ничего не говорить.

- Прости, что тебе приходится туда ехать со мной вместе. Моя машина сломалась, а на такси не хотелось.

Славик усмехнулся, продолжая смотреть на дорогу.

– Сказала так, будто мы чужие люди. Я рад помочь, Жень. Ты же знаешь. Только попроси...

Знаю. И всегда знала. Славик был ко мне равнодушен еще с нашего знакомства на дне рождения у Кирилла. Но если раньше, пока мы жили с мужем, он этого старался не показывать, то, как только мы расстались, он перестал скрывать свои эмоции. Поначалу это ужасно смущало. Мне было как-то странно воспринимать Славика, как нечто большее, чем друга семьи. Да и он мне не нравился, как мужчина никогда. Слегка полноватый, с выпирающим пивным брюшком и залысинами на лбу, чуть ниже меня ростом. Они одного возраста с Кириллом, а кажется, Славик лет на десять его старше. Меня всегда слегка подташнивало от полноватых мужчин. Правда, моя подруга Любка говорила, что мне стоило бы присмотреться к Славику – у него своя сеть супермаркетов и три магазина автозапчастей (два из них мой муж пытается у него отжать). И он в меня влюблен. Я могла бы кататься как сыр в масле.

Но мне не хотелось тогда ни к кому присматриваться, я тосковала по мужу. Да, по подонку, ублюдку и козлу. Я тосковала по нему каждую секунду и по ночам спала на его подушке, стараясь представить, что он рядом. Оказывается, я настолько привыкла засыпать у него на плече, что у меня заняло больше месяца привыкнуть к тому, что теперь придется спать иначе и только самой. Иногда я забирала к себе кого-то из детей, потому что это было невыносимо. Или старшая дочь приходила сама, слыша, как я тихонечко рыдаю. Она молча ложилась рядом, обнимала меня за плечи, и мы засыпали вместе. А потом мне кто-то рассказал, что видел Кирилла с какой-то женщиной, и я сорвалась. Напилась и сама позвонила Славику. Легче, правда, не стало, но ощущение, что и я кому-то нужна и нравлюсь, все же помогало не сдохнуть от депрессии. Потому что очень хотелось сдохнуть. Невыносимо хотелось. Каждый день. Оказывается, осознавать, что тот, без кого ты не можешь спать по ночам, счастлив без тебя – это адски больно. Не знаю, почему все так обыденно относятся к разводам – это же ампутация без наркоза и без наложения швов, и самое страшное – болит намного дольше, и ты истекаешь кровью изнутри, но не умираешь. Может быть, это со мной что-то не так? Но я ужасно переносила это расставание. Мне было бы легче, если бы он умер. Я бы смирилась с этим намного быстрее, чем с тем, что он больше не со мной. Иногда мне хотелось его убить самой. Купить пистолет и спустить ему в сердце всю обойму. Так же красиво, как это показывают по телевизору... а потом я понимала, что лгу сама себе, если бы он умер, я бы вообще с этим не справилась. Пусть живет, сволочь. Где-нибудь там, вдали от меня, с другой женщиной, но живет.

По стеклу заморосил дождь, и я слегка поежилась, обхватывая плечи руками. Нет, в машине не было холодно, но холодно стало мне.

- Что будешь делать, если это он?

- Не знаю. Позвоню его матери. Что-то придумаем. Возможно, заберем его оттуда и перевезем в город.

- То есть ты собираешься этим заниматься?

Я посмотрела на Славика и нахмурилась.

- А кто этим будет заниматься?

- Я уже говорил.

- Говорил. Давай сначала посмотрим, что там вообще происходит и в каком он состоянии. Может быть, он уже что-то вспомнил или это вообще не Кирилл.

- Черт, как он оказался в этом Мухосранске? Наверное, к очередной бабе поехал.

- Ты специально так говоришь?

- Нет, констатирую факт. У него и раньше были всякие Али, Оли и Тани.

- Ты говорил, что не было.

- Жалел тебя. Не хотел, чтоб изводилась. Ты и так на тень стала похожа.

Очередной удар под дых. Все так же больно и чувствительно, даже в горле комок застрял, и я не могла его проглотить. Действительно захотелось развернуться и поехать домой. Пусть свекровь опознает или шлюха его. Только Светлане Владимировне нервничать нельзя, да и как она сама в это захоlustье... Черт! Интересно, если бы ему позвонили вот так, он бы поехал?

Почему-то подумалось, что нет. Он бы послал туда кого-то из своих людей, а потом, может быть, приехал бы сам.

– Я думал, мы завтра сходим куда-нибудь, Жень. Я билеты купил на концерт «Арии» в самом лучшем месте...

В приемнике заиграла музыка, и я на секунду задохнулась от нахлынувших воспоминаний. Оказывается, все же существует машина времени... несколько вступительных аккордов, и ты уносишься на много лет назад. Словно растворяешься во времени и в пространстве.

Я знаю, что есть что-то в твоей улыбке.

Я понимаю это, взглянув в твои глаза.

Ты построила любовь, но она рухнула.

Твой маленький кусочек небес потемнел.

Прислушайся к своему сердцу,

Когда он зовет тебя.

Прислушайся к своему сердцу,

Ты ничего другого не можешь сделать.

Я не знаю, куда ты собираешься,

И я не знаю – почему,

Но прислушайся к своему сердцу

Прежде, чем сказать ему прощай.

© Listen to your heart. Roxette

Дом тетки стоял на самом берегу, огороженный с обеих сторон высоким белым забором. Если взобраться на насыпь, то открывался вид на небольшой порт. Я любила фотографировать яхты, лодки и корабли, небо в причудливых разводах, море, особенно в шторм. Когда была помладше, представляла, как стою на этой насыпи, смотрю вдаль, а там корабль плывет с алыми парусами. Как в романе Грина. Плывет за мной. Потом перестала ждать. Когда вырастаешь, все меньше и меньше веришь в чудеса, потому что жизнь доказывает, что их не бывает.

Летом любила рассвет. Прохладно, влажно. Легкий ветерок дует, и по воде не волны, а рябь. И солнце только взошло – не печет, не жарит, только слегка ласкает лучами, как крыльями кожи касается. Осторожно, нежно. На небе разводы бруснично-огненные на синей рваной вате облаков. Я по привычке наверх взобралась, устроилась поудобней, настроила объектив.

Только снимать собралась, как услышала рокот мотоцикла. Какой-то парень заехал прямо на песок. Соскочил с мота, швырнул шлем. На ходу сбросил куртку, стянул через голову футболку. Поставил на песок магнитофон и врубил музыку.

Я в объектив посмотрела, приближая изображение. Что он здесь делает? Эта зона закрыта для отдыхающих. Как его охрана пропустила в частные владения? Но, судя по всему, таки пропустили. Потому что он и не скрывался совершенно, запрыгнул на одну из яхт, вытащил доски на песок, ведро, инструменты. Я продолжала наблюдать за парнем. Он закатал джинсы до колен и старательно что-то выковыривал на доске, потом запрыгнул обратно на яхту. Послышался стук молотка, а я снова глянула в объектив и затаила дыхание – каждый раз, когда он замахивался молотком, мышцы на его руке сильно напрягались, а у меня почему-то от этого дух захватывало.

Парень меня не замечал, а я вперед подалась, чтоб лучше рассмотреть. Его смуглая кожа лоснилась от пота, а в коротких темных волосах поблескивали солнечные блики. Я не знаю, почему он привлек мое внимание. Возможно, потому что здесь редко кто появлялся из чужих или потому что мне просто понравилось за ним наблюдать. За его движениями, за тем, как перекачиваются мышцы под загорелой кожей. Солнце поднималось все выше и выше. Я видела, как парень смахивает тыльной стороной ладони пот со лба, и сама облизывала пересохшие губы.

А потом он прямо с носа яхты прыгнул в воду. Здесь обычно никогда никто не купался. Только рыбаки выходили в море.

Он долго плавал. Заплыл далеко, потом обратно. На берег вышел, а я пригнулась, чтоб не заметил, и снова рассматривала. Красивый он. Волосы короткие, темные, четкий профиль и тело такое сильное, накачанное. Улегся на песок, тяжело дыша. В небо смотрит. А я сама не понимаю, как щелкаю камерой. В разных ракурсах. То целиком, то части тела. Ноги длинные в мокрых джинсах, сильную руку, закинутую за голову. Капли воды на смуглом, загорелом торсе с рельефом мускулов на плоском животе и этот профиль. Отчужденный. С ровным носом, высоким лбом и чувственными губами.

Он приходил туда каждый день в одно и то же время, а я так же каждый день его фотографировала, пока он лежал на песке и отдыхал. Я гадала кто он такой и сколько ему лет, гадала как его зовут. А по вечерам печатала фотографии с пленок, которые уже успела проявить. Черты его лица, длинные ресницы, четко очерченные скулы и губы. У него были невероятно красивые губы. Они казались мягкими и упругими. К ним хотелось прикоснуться кончиками пальцев и проверить – такие ли они на самом деле. Я представляла себе, как спущусь с

насыпи и заговорю с ним, но так и не решилась этого сделать. Нет, я не была робкой, даже наоборот, мне всегда хватало уверенности в себе. Он заметил меня сам. То ли в объективе сверкнул солнечный луч, то ли просто посмотрел в мою сторону. Я тут же спрятала фотоаппарат за спину, когда увидела, как он на меня смотрит.

– Эй. Ты что там делаешь? – крикнул мне и прикрыл глаза от солнца рукой, сжимая в другой лобзик и поднимаясь во весь рост.

– Тебя фотографирую, – крикнула я.

Он рассмеялся, продолжая прикрывать глаза рукой.

– А чего прячешься?

– Я не прячусь. Отсюда ракурс замечательный. Ты работай-работай. Не отвлекайся.

Усмехнулся и снова склонился над досками, а мне показалось, что сердце заколотилось где-то в районе горла. Музыка орала на весь пляж, и от нее хотелось вспорхнуть и улететь.

Теперь парень изредка бросал на меня взгляды и улыбался, а у меня от его улыбки дух захватывало, а пальцы щелкали и щелкали, то приближая, то отдаляя изображение. А он вдруг крикнул мне, положив молоток и вытирая лицо о плечо:

– Фотки потом покажешь?

Я усмехнулась, опуская руку с фотоаппаратом.

– Как-нибудь покажу.

– А вблизи пофоткать не хочешь. С яхты в воде рыбу видно.

– Высоко здесь. Как я спущусь?

- Прыгай - я поймаю.

Он подошел к забору, разглядывая меня снизу. Порыв ветра приподнял платье, и я удержала подол рукой, прижимая фотоаппарат к груди.

- Мне и тут неплохо.

- Боишься?

- Да.

- Меня? - снова усмехнулся, и я вместе с ним.

- Нет. Высоты боюсь.

Засмеялся, а у меня дух захватило. Невероятная улыбка. Так нельзя улыбаться. Такие улыбки надо запретить законом. В уголках темных глаз морщинки появились, и между сочных губ зубы сверкнули белые, ровные.

- Точно поймаешь?

- Точно поймаю. Слово даю.

- С чего бы мне тебе верить?

- Ни с чего. Верить никому нельзя. А вот рисковать интересно.

Очень интересно. Особенно, если учесть, что я никогда в своей жизни не рисковала. И внутри появился вот этот бунтарский дух противоречия. Возможно, настал момент, когда я все же могу делать так, как хочу я. А я хочу? Даааа. Я безумно хочу.

- Ну если слово даешь... то лови. Главное, фотоаппарат.

- Я вас обоих поймаю. Прыгай.

Наверное, только в семнадцать можно быть настолько безрассудной. Он, и правда, поймал. Очень легко. Словно всю жизнь только этим и занимался. Ловил идиотов, которые прыгали к нему в бездну. Есть такой тип парней, мужчин, на которых посмотришь один раз и сразу понимаешь, что они опасные. Опасны тем, что женщины от них тут же сходят с ума. И даже понимаешь, что их много, этих женщин. Самых разных. Ты это чувствуешь и в семнадцать, и в двадцать, и в сорок. А ты в их числе. Потому что, в принципе, ничем не отличаешься. Его взгляд. Пронзительный и темный. Не цвет глаз, а именно взгляд. Бывают светлые, от них тепло внутри становится, а у него темный, от которого становится жарко.

Вблизи его глаза казались небесно-голубыми, прозрачными. Наверное, солнце так в них отражалось. А я смотрела, и мне показалось, что пауза растянулась на вечность. Статичность снимка ни на секунду не могла передать его мимику, движение губ, взгляд, голос. Снимок ничто в сравнении с живым человеком.

– Как тебя зовут, фотограф? – спросил он и убрал волосы с моего лица, а я тут же отшатнулась назад, поправляя платье.

– Женя, – ответила и снова посмотрела ему в глаза. Глубокие, с чуть приспущенными уголками. Очень большие, и ресницы длинные, пушистые. В зрачках черти пляшут.

– А я думал – снежинка. Белая такая. С севера, что ли, приехала?

Усмехнулся, а глаза улыбка не тронула.

– Нет, солнце не люблю.

– Похоже, и оно тебя не очень любит. Покажешь агрегат?

Я протянула фотоаппарат и следила за реакцией, за тем, как приподнимались густые, темные брови.

– Так ты уже пару дней фотографируешь? Ничего себе! Кем-кем, а моделью я никогда не был.

Мне захотелось спросить, а кем он был, но я прикусила язык. Он положил фотоаппарат ко мне на колени и спросил:

- Живешь здесь?

- Да. На лето приехала к тетке. А ты?

- А я? На заработки. Меня Кирилл зовут. Сколько тебе лет, Снежинка?

Кирилл. Вот бывает, что имя подходит человеку. Не возникает диссонанса. Так и это имя ему подходило. Хотя раньше оно мне не нравилось. А сейчас... я даже перекатывала его на языке потом, вечером, когда осталась одна.

- Семнадцать. В этом году школу заканчиваю.

Прищелкнул языком.

- Большая уже, да?

- Типа того.

Я не спросила сколько лет ему. Не знаю почему. Наверное, в тот момент это было не важно. Вряд ли намного старше меня. Кирилл откинулся назад на песке. И я снова невольно засмотрелась на его тело. Вблизи его кожа отливала бронзой, и песок мягко рассыпался по животу. Я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо, когда я проследила взглядом узкую полоску волос от пупка за кожаный ремень его джинсовых штанов. Возникло дикое желание смахнуть песок и заодно коснуться его кожи.

- Нравится?

Резко вскинула голову и встретилась с взглядом потемневших глаз. Казалось, он читал мои мысли.

- Что?

- Тебе здесь нравится?

- Нет, - честно ответила я, и мы рассмеялись.

- Почему?

- Я не люблю лето. Вообще жару не люблю. Солнце ненавижу. Мне кожу хочется с себя снять. Я осень люблю и... и зиму.

- Странно - сказал он, рассматривая что-то на моем лице... и мне захотелось немедленно глянуть в зеркало, чтобы убедиться, что у меня на лбу не выскочил какой-нибудь мерзкий прыщ.

- Что странно?

- Обычно все любят лето.

- А я вообще странная.

- Есть такое. Фоткаешь незнакомых людей, прыгаешь с забора, не любишь лето.

- А ты любишь лето?

- Не знаю. Я об этом не задумывался.

Мой вопрос показался мне самой идиотским. Наверное, и ему тоже.

- Говоришь, тебе тут не нравится? Хочешь, я покажу тебе самое невероятное место на планете?

- Даже так?

- Ну, мне кажется, тебе должно понравиться. Можешь фотик свой взять. Там есть, что пощелкать. Ну что?

- Когда? - тихо спросила я, лихорадочно думая о том, что меня, скорее всего, не отпустят.

- Сегодня вечером. Я заеду за тобой.

- Не получится, - выдавила я и стиснула фотоаппарат сильнее.

- Что такое? У девочки мегаконтроль?

- Что-то вроде этого, - усмехнулась я.

- Ух ты. Прямо чувствую себя похитителем принцесс. А вообще, ты мне должна за снимки.

- Да ладно. Я ж их не продавать собралась.

- Ну ты фоткала без спроса. За все в этой жизни надо платить. Так что с тебя свидание.

Он подошел ближе, сжимая руками футболку.

- Ты же как-то спустилась сюда. Почему бы не повторить это вечером?

- Спуститься-то спустилась, а обратно как подняться? - я глянула на забор и снова на него.

- Вот так, - он вдруг схватил меня за талию, резко развернул спиной к себе и поднял на вытянутых руках.

- Цепляйся за забор, Снежинка.

Охнув я вцепилась в один из толстых горизонтальных прутьев.

- Держишься крепко?

- Да.

– Я наклонюсь, а ты становись мне на плечи.

К щекам прилипли вся краска. Я же в платье. Как я стану ему на плечи?

– Не могу, – выдавила я, – отпусти меня. Я зайду с ворот. Скажу, что упала, когда фоткала.

Он расхохотался, продолжая удерживать меня за талию.

– Не пались, девочка. Вдруг тебе еще пригодится этот выход из твоей крепости. Или ты думаешь, я никогда женских трусиков не видел?

Нет. Я так не думала. Совсем не думала. И именно поэтому мои щеки сейчас пылали с такой силой, что, казалось, мне надавали пощечин.

– Ну что? Так и будешь висеть?

– Закрой глаза.

– Закрыл.

– Не врешь?

– Не вру.

Через секунду почувствовала его плечи у себя под босыми ногами. Взобралась на насыпь и резко обернулась. Он смотрел на меня снизу-вверх и смеялся.

– Я люблю белый цвет.

– Ты же обещал! – стиснула кулаки и задохнулась от ярости.

– А я сдержал свое слово, просто ветер... я и сейчас их вижу, – подмигнул мне, и я тут же придавила юбку к ногам, – в восемь буду ждать тебя здесь.

- Я не приду.

- Придешь. Долги надо отдавать. До вечера, Снежинка.

А в его магнитофоне хрипловатым голосом солистка Roxette повторяла и повторяла припев:

Прислушайся к своему сердцу,

Когда он зовет тебя.

Прислушайся к своему сердцу,

Ты ничего другого не можешь сделать.

Я не знаю, куда ты собираешься,

И я не знаю - почему,

Но прислушайся к своему сердцу

Прежде, чем сказать ему прощай.

© Listen to your heart. Roxette

– Жень, так что – сходим? – Славик выключил музыку, и меня тут же выдернуло из прошлого и окатило ледяной волной реальности.

– Славик, давай сначала разберемся со всем этим. Кирилл все же мой муж.

– Бывший, разве нет?

Я не хотела говорить, что так и не подписала бумаги о разводе, я просто сказала то, что должна была сказать и положить конец этому спору с самого начала.

– И отец моих троих дочерей. Ты ведь понимал, что он никуда не денется из моей жизни, даже несмотря на развод.

– Хорошо, не злись. Просто я думал, что мы можем потом съездить поужинать и ко мне... я так соскучился, – он положил руку мне на колено, а мне захотелось её немедленно сбросить. Никогда не стоит заводить отношения ради утешения, никогда вообще не стоит заводить отношения, если вы этого не хотите. Самое адское бремя – притворяться и терпеть то, что тебе терпеть совершенно не хочется.

– Славик, я давно хотела сказать и не ...

– Молчи. Я знаю, что ты хотела сказать, – он вцепился в руль двумя руками и снова уставился на дорогу, – дай этому шанс. Нужно время, и нам хорошо вместе. Я не давлю. Точнее, я не буду давить. Обещаю.

Я тяжело вздохнула. Да при чем тут давить? И нам вовсе не хорошо вместе. Ты был моей жилеткой, в которую я плакалась, когда мне было плохо, а на самом деле меня просто передергивает от мысли провести с тобой больше, чем полчаса, и преданность твою собачью выносить, чувствуя себя обязанной и виноватой. Пользоваться тобой и потом не знать – куда б тебя деть, чтоб не ныл и на глаза не попадался. Но, конечно, ты в этом не виноват. Это я сволочь... а ты просто попался под руку. И, если честно, я бы точно без тебя с ума сошла. Мне нужен этот твой взгляд и любовь навязчивая. Пока нужны. А дальше не знаю, что я с этим буду делать.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Славик сделал опять музыку громче, а я думала о том, как там дети сами? Если Лиза проснется и начнет плакать? Она же по ночам приходит всегда ко мне. Я написала Алисе сообщение, проверить – спит ли она. Ответное сообщение пришло через секунду.

«– Не сплю. Думаешь, я теперь усну?»

– Ложись у меня в спальне, если хочешь. Загляни к Лизе, пожалуйста. Укрой ее, если раскрылась.

– Я уже укрыла обеих и сериал смотрю. Ты напиши мне, что с ним все в порядке, когда приедешь, хорошо?

– Хорошо, лошадка, напишу.

– Я не лошадка.

– Ты моя рыжая лошадка, и я люблю тебя.

– Фу, мама...

– Ты меня не любишь?

– Ну хорошо, я твоя лошадка. И я тоже люблю тебя».

Улыбнулась невольно. Даже в шестнадцать дети остаются детьми. Да, я никогда от нее ничего не скрываю. Алиса достаточно взрослая, чтобы я была с ней честной, возможно, именно поэтому она честна со мной. От детей мы получаем только то, что отдаем им сами. Они наше полное зеркальное отражение во всем.

– Мы почти приехали. Дыра редкостная. Как его сюда занесло?

– Не знаю. Вы же работали раньше вместе. Может, какой-то проект?

– Нет... ну или это что-то новое, о чем он мне не рассказывал.

Позже окажется, что мой муж вообще никому и ни о чем не рассказывал, а точнее, каждый знает о нем ровно столько, сколько он позволял, чтобы о нем знали.

Славик вырулил к трехэтажному серому зданию, припарковался у входа. И меня снова начало трясти, как в лихорадке. С мужем я не общалась очень долгое время. С глазу на глаз. За исключением его приезда ко мне неделю назад, когда привез бумаги о разводе.

«– Даже так? Соизволил лично привезти?»

– Мой адвокат сказал, что так лучше. Ты можешь сказать, что ты их не получала.

– Боишься, что я не отпущу тебя? Не льсти себе, Авдеев. Это я тебя выгнала.

– Ну мало ли, может, ты передумаешь, ведь теперь у тебя не будет столько денег на себя любимую.

– То есть ты считаешь, что я жила с тобой из-за денег?

– Ну или потому что было удобно. У тебя же все по расписанию. Все как надо. Ты дни для секса тоже обводила в цветной кружочек, как и другие запланированные мероприятия? Ооо, Анисимова, может, ты и развод запланировала? Нашла себе другого спонсора побогаче? Хотя кто на тебя позарится такую.

– Какую?

– Никакую. Просто никакую».

Я тогда его ударила по щеке и вытолкала за дверь, а потом долго сидела, прижавшись к ней спиной, и смотрела в одну точку. Вот теперь это действительно конец. Раньше он никогда не позволял себе так говорить со мной... и еще раньше я не видела в его глазах вот этого выражения. Знаете, как у чужого человека на улице, с которым вы повздорили, когда он хочет задеть вас побольнее, потому что вы ему никто, и если вам станет больно, то он победил. Это было больнее его измены. Это было больнее всего, что произошло

за все годы, что я его знала.

В квартиру он раньше не поднимался. Всегда ждал детей в машине. Со мной договаривался о чем-то в письменном виде, и иногда я подозревала, что он это делает специально, чтобы сохранять переписку для своего адвоката. Самое мерзкое, что я не понимала – зачем. Ведь я никогда не угрожала ему тем, что не позволю видеться с детьми. Я не возражала, когда он решал, что заберет и что оставит. Мне было все равно. Я просто оглохла и онемела после его предательства. Он отобрал у меня жизнь. Что может быть страшнее и ценнее в сравнении с этим?

Наверное, меня убивало то, что Кирилл даже не пытался спасти наши отношения. Мы больше ни разу не говорили об этом. Только в тот день, когда выгнала его из дома, и с того самого момента я больше не узнавала этого человека.

Я пыталась звонить, но мне всегда отвечала его секретарша. Он сменил номер телефона, и нового, его личного, я теперь не знала. Когда я все же дозвонилась ему в офис, чтобы спросить насчет нашего общего счета в одном из банков, он сказал, что больше не желает со мной разговаривать, и теперь, если мне что-то надо, я могу ему написать, когда будет время, он ответит. И я не знаю, чего я не могу простить ему больше – измены или вот этого равнодушного презрения, будто действительно избавился от опостылевшей собачонки. Ничего не могу простить... и, наверное, никогда не смогу. А он... он и не просил его прощать.

Закутавшись в пальто, поднялась по лестнице и дернула на себя дверь, выкрашенную в серый цвет, с полустертой надписью «приемная».

ГЛАВА 4

Я сидела напротив врача и разглаживала невидимые складки на шерстяном платье. Славик остался в приемной, ему кто-то позвонил по работе. Окинула кабинет взглядом – ремонт не делали лет сто, наверное. Краска на стенах облупилась, деревянные рамы на окнах прогнили, и слегка дуло из неприкрытой до конца форточки. Табачный запах растворялся в едком лекарственном. Вспомнился почему-то кабинет стоматолога советских времен, и я поежилась.

Главврачом оказался мужчина средних лет, низкого роста, полный, с красными щеками и, скорее, похожий на торговца мясной лавочки, чем на врача. Ему бы передник вместо белого халата подошел намного больше. Но он оказался очень приятным человеком и очень внимательным. Не равнодушным и циничным типом, к которым мы привыкли в государственных клиниках.

– Его нашли неделю назад возле железнодорожных путей. В ремонтной яме. Вначале подумали, что это пьяный бомж, но потом увидели дорогие ботинки и куртку. Там ведутся работы, и один из сварщиков потерял свой мобильный. Вернулся искать и обнаружил мужчину без сознания. Полицию мы вызвали, но говорить с ним пока бесполезно, он не помнит ничего. Бумажку с вашим номером нашли в кармане.

Я кивала по мере того, как он говорил, и продолжала смотреть на облупившуюся голубую краску на стенах. Вспомнилось, как мы красили рамы на даче вот такой голубой краской, и я зашлепала Кириллу новую футболку. Странные мысли, совсем неуместные для больницы, но почему-то именно они и лезли в голову. Обрывками диалогов... картинками, как потом сдирала с него эту футболку дрожащими руками, как жадно целовала его шею, сильные плечи, как выгибалась под ним. Когда взял прямо на полу... Боже! Вся моя жизнь состоит из воспоминаний о нем, о нас. Когда-нибудь меня перестанет так скручивать от этих мыслей? Когда-нибудь мне станет легче? Сколько надо? Год, два, пять? Мне иногда казалось, что до смерти не смогу забыть. НАС.

– Я могу его увидеть?

– Конечно, именно для этого мы вас и попросили приехать. Его ударили по голове предположительно кирпичом или камнем, что, скорее всего, и вызвало амнезию, а потом обчистили до нитки.

Я втянула поглубже воздух и медленно выдохнула. Так и не могла понять, что Кирилл забыл в этом маленьком городишке? Надо будет утром спросить у Светланы Владимировны, может быть, она знает, зачем он сюда поехал.

– Идемте, Евгения Павловна. Не хочу вас задерживать просто так.

На секунду стало страшно. Когда проходили по длинному коридору, я увидела свое отражение в стеклянной витрине регистратуры и невольно пригладила

выбившиеся из прически волосы.

– Налево, – слышался голос врача, и я послушно шла следом, сминая в руках тонкий шелковый шарф. Стук каблуков моих сапог эхом отдавался в гробовой тишине, и только где-то вдалеке работало радио. Передавали сводку новостей.

Возле палаты мы остановились, я втянула поглубже воздух. Антон Валерьевич толкнул дверь, и я вошла в небольшое помещение с четырьмя кроватями. Кирилла я увидела сразу, он лежал у окна. Я бросила взгляд на его бледное лицо и медленно закрыла глаза, чувствуя легкое головокружение. Захотелось броситься к нему. Такое естественное желание, всего лишь год назад я именно так и сделала бы. Бросилась бы к нему, покрыла его лицо поцелуями, шептала бы, как невыносимо испугалась, когда он пропал, как перенервничала, пока ехала сюда. Но теперь все изменилось. Возможно, когда он очнется, то прогонит и разозлится, что позвали меня, а не ту самую Алину или его маму.

– Вы его узнали, – не вопрос, а утверждение.

– Да... узнала. Это... это мой муж.

Я так и не смогла сказать «бывший», слово застряло где-то внутри меня и расколосось на части.

– Какое облегчение. Я до последнего переживал, что вы его не узнаете, и нам придется искать дальше, а если не найдем, его могут потом перевести в психиатрическую клинику.

– Он спит или без сознания? – тихо спросила я, сжимая шарф еще сильнее и чувствуя, как потеют ладони и холодеют кончики пальцев.

– Он сейчас под действием транквилизаторов. Головные боли мучают. А утром вы сможете поговорить с ним. Правда, до этого вам лучше пообщаться с нашим психиатром. Он будет здесь после десяти утра. Случай не простой, как он сказал вчера.

Я подошла к кровати Кирилла и чувствовала, как начало драть в груди от бешеной и такой непонятной радости видеть его снова. Пусть вот так, пусть в

больнице. Как же я истосковалась по нему, по этому подлецу. До дрожи, до какого-то идиотского изнеможения. Так можно скучать только по родным людям. До отупляющего, отчаянного чувства, когда отходит онемение после обморожения, и вы снова можете двигать пальцами рук и ног. Я испытывала примерно тоже самое, глядя на Кирилла. Коснулась кончиками пальцев его щеки и тут же отняла руку, потому что он тяжело вздохнул и повернул голову вбок, а у меня сжалось сердце от вида кровоподтеков на его левой щеке и наложенных швов у виска. Опустила взгляд на его руку, лежащую поверх одеяла, и вздрогнула – на безымянном пальце обручальное кольцо. Он что, до сих пор его не снял? Невольно тронула свое и судорожно сглотнула комок слез, застрявший в горле.

– Вы мне ответите на несколько вопросов, если вас не затруднит? Я заполню его карточку, как положено. У вас есть при себе паспорт?

– Да, конечно.

Прежде чем я зашла снова в кабинет к врачу, я нашла Славика. Он курил на улице. Нервно курил. Я видела, как он сбрасывает пепел каждую секунду и резко выдыхает дым.

– Ну что? Поехали? – бросил он, едва завидев меня, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на часы.

– Нет, ты поезжай, а я останусь. Это он, Слав. Это Кирилл.

– И что теперь? Что значит остаешься? Позвони его матери, пусть она к нему едет. Ты не обязана тут оставаться.

От злости у него выпала сигарета, и он закурил новую.

– Слав, на него кто-то напал и избил. Его вообще убить пытались и обокрали до копейки. Как я его тут оставлю?

– Глупости. Только не говори мне, что это жалость и чувство долга! Ты не должна!

Это и не было жалостью. Я просто не могла отсюда уехать.

- Верно. Не должна. Я хочу остаться. Ты чувствуешь разницу?

- Чувствую! Все чувствую. Еще когда ехали сюда, чувствовал. Тряпка ты. Просто тряпка. Шанс вернуть его увидела? Думаешь, он оценит, что ты у его постельки сидела, бросит свою шлюшку и к тебе вернется котлеты с борщами есть?

- Езжай домой, Славик. Спасибо, что привез.

Я развернулась, чтобы уйти, но он резко схватил меня за локоть и дернул к себе.

- Я наизнанку выворачиваюсь, чтоб у нас все хорошо было. Поехали отсюда. Пусть кто-то другой этим занимается. Ты ему ничего не должна.

Его заклинило на этом дурацком слове «должна», он его повторял снова и снова. То ли себя убеждая, что это и есть причина моего решения, или меня.

- А ты не выворачивайся, Шевцов, так легче будет. Притом всем. Потом об этом поговорим. Я никуда не поеду. Он отец моих дочерей, и я обязана ему помочь. А ты... ты, между прочим, был его другом.

- Был! Вот именно - был! - медленно разжал пальцы, отпуская меня, и накинул на голову капюшон пуховика.

- А он когда-то ради тебя машину в мороз ночью гнал, когда твоя сломалась, чтоб в аэропорт отвезти, потому что у тебя дочь родилась. Он тебя прикрывал, когда ты накосячил с налоговой. С ментовки вытаскивал, когда ты человека сбил, и отмазаться помогал, выплачивал за тебя отступные, ты тогда все деньги в бизнес вложил. От наездов тебя прикрывал, когда ты свой первый супермаркет открыл. Хорошее быстро забывается, да, Слав?

- Слишком много плохого потом было, Женя. Слишком! Иногда есть вещи, которые тяжело забыть и простить. Ясно?! Все, я поехал. Хочешь, сиди тут, горшки ему меняй с пеленками.

Я даже не обернулась, когда он завел машину и уехал. Поправила растрепанные ветром волосы и вернулась в кабинет к врачу. Пока он записывал все данные Кирилла, я думала о том, что в чем-то Славик прав. Далеко не все можно простить и забыть, но бросить человека вот так в чужом городе. И не просто человека, а человека, с которым прожила под одной крышей двадцать лет.

Врач задавал вопросы о том, чем Кирилл болел, нет ли у него хронических заболеваний, операций, перенесенных травм головы. Ничего подобного не было, и я уверенно отвечала на все вопросы доктора. Как же странно, я о нем так много знаю, даже больше, чем о себе. Никогда бы не подумала, что я помню, чем он болел в детстве и какая у него группа крови. Когда перешли к графе о детях, брови доктора взметнулись вверх.

- Трое детей от общего брака и старшей дочке шестнадцать?

- Верно. Да, у нас трое дочерей.

- В жизни бы не сказал. Вы очень молодо выглядите.

- Спасибо. Я рано вышла замуж.

- Конечно, самых лучших женщин надо хватать со школьной скамьи и воспитывать для себя. Ладно двое... но трое и старшей шестнадцать.

Я вяло улыбнулась его комплименту и решила, что, скорее всего, просто хочет подбодрить. У меня, вероятно, ужасно подавленный и изможденный вид. Этот день был не самым лучшим в моей жизни, я напилась вина и рыдала, как идиотка, с самого утра. Наверное, у меня опухшие глаза и до сих пор красный, как у алкоголички, нос.

- Вы говорите, не было операций, а мы видели под левой лопаткой большой шрам. Похоже, как от ножевого ранения.

- Муж говорил, что как-то попал в переделку с поножовщиной.

На самом деле это были мои догадки. Кирилл ничего мне не говорил о шраме. Сказал, что это нечто такое, о чем он не хочет говорить ни с кем. Может быть,

когда-нибудь он мне расскажет, но «когда-нибудь» так и не наступило.

– Понятно. Вам бы его в городе обследовать, МРТ сделать. У нас тут оборудование не ахти. Даже нейрохирургов хороших нет.

– А когда его можно увезти из больницы?

– В принципе, он может передвигаться самостоятельно, его состояние удовлетворительное, если не брать в расчёт амнезию. От головных болей я выпишу лекарство, и будете наблюдаться уже у себя. Я думаю, пока все. Если возникнут еще вопросы, я спрошу у вас завтра. Сегодня голова не работает. Адский денек.

Он усмехнулся и протер виски.

– У вас здесь можно где-то переночевать?

– Это запрещено. Но я войду в ваше положение и позволю вам остаться до утра в ординаторской.

Я достала из сумочки несколько сотен и сунула под журнал. Врач сделал вид, что ничего не заметил, а я написала дочке смску, что с отцом все в порядке и что утром я ее наберу. Они могут не идти завтра в школу. Пусть присмотрит за сестрами. Светлане Владимировне позвоню утром, не стоит ее будить ночью. Попрошу, чтоб приехала к ним и посидела до моего возвращения.

В ординаторской я так и не смогла уснуть, всю ночь вертелась на железной кровати с ужасно скрипящими пружинами и на рассвете задремала. Меня разбудила медсестра, сказала, что скоро обход, и мне лучше уйти, а то у Антона Валерьевича будут неприятности.

Теперь я стояла в туалете, ополаскивая лицо ледяной водой и с ужасом думая о встрече с Кириллом. Достала маленькую расческу из сумочки и расчесала густые, непослушные волосы, заколола в хвост. Провела пальцами под глазами, проклиная синяки и две тоненькие морщинки. Покусала бледные губы и пощипала щеки, чтобы не выглядеть такой изможденной и белой, как стена. Вышла на улицу, поглядывая на часы – только семь утра, и подставила лицо

теплым лучам сентябрьского солнца.

ГЛАВА 5

– Пирожки! Горячие пирожки! Чай! Кофе! – слышался зычный старческий голос, и я увидела женщину в пестром платке, темном потрепанном пальто с лотком на колесах.

– Дайте мне, пожалуйста, два пирожка с капустой и... три с картошкой, а еще, если есть, с рисом и яйцом, и кофе, пожалуйста.

Кирилл любил именно с картошкой, а я с рисом и с капустой. Завернула горячие пирожки в пакет и села на лавочку. Поддела носком сапога несколько бронзовых листьев, и они с шуршанием опустились на потрескавшийся асфальт.

– Не возражаете?

От неожиданности я чуть не поперхнулась горячим кофе. Возле скамейки стоял мой муж и внимательно меня разглядывал, засунув руки в карманы расстегнутой куртки. Ему уже сняли повязку с головы, и теперь его волосы торчали в разные стороны.

Солнце светило прямо ему в лицо, и от этого глаза казались светлее, чем обычно. До боли родной и чужой одновременно. Странно видеть его вот таким. Последнее время я привыкла совсем к другому выражению его лица. Давно не видела Кирилла небритым и таким уставшим. Захотелось протянуть руку и пригладить ему волосы, но я сжала пальцы и отпила кофе. Сильно обожгла язык, даже слезы на глазах выступили. А он, так и не дождавшись моего разрешения, сел рядом.

– Я за вами из окна наблюдал. Как вы одиноко пинаете листья на тропинке. Захотелось составить вам компанию. Тихо здесь по утрам. Любите осеннюю тишину? Только шорох листьев и запах дождя.

На секунду закружилась голова от звука его голоса, он как-то странно изменился. Стал взрослее, что ли, или, наоборот, моложе. Никогда не думала,

что снова буду так реагировать на него. Как когда-то... когда только познакомились. Или это проклятая тоска вперемешку с отчаянием. Он же был когда-то моим. Целиком и полностью. Родным. Таким до боли родным.

- Люблю тишину, особенно если мне не мешают ею наслаждаться в одиночестве.

Я медленно выдохнула, отпивая кофе из чашки уже осторожно. Он бросил взгляд на пирожки в пакете и усмехнулся. А я невольно засмотрелась, как поблескивает седина у него на висках. Красиво поблескивает. Мне всегда нравилась эта солидность. Помню, как он все время пытался ее состричь, чтоб было не видно, а я просила не трогать.

«- Тебе идет, Авдеев, ты похож на киноактера. Наверное, все бабы на твоей работе от тебя без ума.

- А ты?

- А я, Авдеев, не баба. Я твоя жена.

- А ты? Ты все еще без ума от меня, Снежинка?

- А я тебя люблю, Кирилл. Вполне осознанно и со всем пониманием данного косяка».

- Пришли кого-то навестить? - проигнорировал мой намек, словно, я не его имела в виду. Он всегда так делал, если ответ его не устраивал.

Кивнула и с трудом удержалась, чтоб не предложить ему пирожок. Черт, вы можете быть в разводе год, два, три, но эта привычка, видимо, неискоренима - накормить мужа. Она видимо заложена у вас в голове, как основная и важная программа на жестком диске компьютера.

- Вы моя жена, верно?

На этот раз я все же поперхнулась кофе и вытерла рот тыльной стороной ладони.

– С чего вы так решили? Я на нее похожа?

– Не помню, как она выглядит, у меня амнезия, – усмехнувшись продолжил он, заглядывая мне в глаза. Я несколько раз моргнула, – но я определенно хотел бы, чтобы она была похожа на вас. Ошибся, да? Вот черт, так и знал, что я не из везунчиков.

– А какой вы представляли себе вашу жену?

– Я ее себе не представлял, даже не знаю, женат ли я, но вот это, – он поднял руку и повертел у меня перед носом обручальным кольцом, сверкающем на безымянном пальце, – наводит на мысль, что все же, увы, женат.

– Сожалеете?

– Определенно – да. Знаете, когда мозг не засорен воспоминаниями, есть ощущение, что вы подросток, и все воспринимается остро и ярко. Увидел вас и засмотрелся. Мне даже показалось, что я вас где-то встречал. Может, в прошлой жизни?

Внутри поднялась какая-то странная волна злости. Сидит на лавке с, как он думает, незнакомой женщиной и говорит, что жалеет о том, что женат. Но говорит красиво. Это он всегда умел – с какой-то непосредственностью завораживать женщин. И смотреть не только в глаза, а намного глубже, заглядывая в душу. Когда-то я с ума сходила от осознания, что он МОЙ. Что среди стольких он выбрал и любит только меня. Наивная идиотка.

– А вы не думали о том, что, возможно, ваша жена ищет вас, переживает, а вы тем временем говорите, как вам жаль, что вы женаты?

Он пожал плечами и откинулся на спинку скамейки, в глазах пропал лукавый блеск, он даже слегка напрягся.

– Если бы искала, то уже нашла бы. Я здесь неделю валяюсь. Как бомж, – невесело усмехнулся, подобрал лист с асфальта и сунул в рот черенком. Курить хочет, а сигарет и денег нет. Достала пачку и предложила ему закурить.

– Я не беру у женщин сигареты, – ответил он и принялся жевать черенок.

– А что, да, берете?

Усмехнулся снова уголком рта и положил руку на спинку лавки, заглядывая мне в глаза.

– Не знаю. Ни черта не помню. Но определенно не беру то, что не положено брать у женщин, и отнимаю то, что положено у них отнимать.

Голубые глаза заблестели тем самым блеском, о котором я уже успела забыть, тем самым, от которого у меня двадцать лет назад внутри все в тугой узел стягивалось и дышать становилось трудно, тем блеском, с которым он уже давно на меня не смотрел. Отвернулся, запрокинул голову, глядя на пронзительно-синее осеннее небо. Теперь я отчетливо видела швы у него на левой щеке и на лбу. Сердце болезненно сжалось, и я все же протянула ему сигарету.

– Берите, а то все листы пережуете.

– Состоите в общество охраны природы?

– Нет, в обществе охраны животных, – отрезала я и сунула сигарету ему в руку. «Козла одного в больнице навещаю» подумала и достала вторую себе.

Кирилл похлопал себя по карманам куртки.

– Черт, у меня даже зажигалку сперли.

Протянула ему свою, и он вдруг перестал улыбаться, внимательно её рассматривая. Провел указательным пальцем по гравировке сбоку, наверняка, читая надпись, сделанную им же на восьмое марта позапрошлого года.

«Моей самой любимой Снежинке». Бросил взгляд уже на мое кольцо.

– Вы замужем, – прозвучало разочарованно, а я заправила волосы за ухо и заслонила ладонью огонек зажигалки, прикуривая сигарету. На секунду посмотрела ему в глаза и, черт возьми, смутилась, потому что он тоже смотрел.

Настолько близко, что сейчас я видела темно-синие разводы внутри голубой радужки его глаз и свое отражение в зрачках.

– Замужем, – ответила и утвердительно кивнула.

– Жаль, что не за мной.

– Очень жаль?

– Невероятно жаль.

– Я вас разочарую – я замужем за вами, – его лицо вытянулось, и брови удивленно поползли вверх, – но ненадолго, потому что мы с вами... Мы с тобой, Кирилл, разводимся. Это я тебе купила. Испечь не успела. Извини.

– Кирилл?! – все так же удивленно. – Кто бы мог подумать...

– Кирилл Сергеевич Авдеев.

Положила пакет с пирожками ему на колени и встала с лавки, отряхивая пепел с пальто.

– Поешь, я пока к твоему психиатру схожу. Он поговорить со мной хотел. И... мне только этой ночью сказали, что ты здесь. А так как мы год не живем вместе, то неделю твоего отсутствия я не заметила.

Кирилл продолжал смотреть на меня расширенными от удивления глазами, а потом затаился сигаретой и, чуть прищурившись, спросил:

– Похоже, мы остались не в лучших отношениях. А зовут тебя как, жена? Снежинка, что ли?

– Женя меня зовут. Снежинки нет давно. Растаяла.

- По моему предварительному заключению у вашего мужа полная потеря памяти. Он даже не помнит, как его зовут и сколько ему лет. У него были какие-то стрессы в последнее время? Трагедии? Что-то помимо удара головой?

- Не знаю... дело в том, что мы разводимся, и уже больше года не живем вместе.

Врач внимательно посмотрел на меня.

- И тем не менее он носил в кармане бумажку с вашим номером телефона.

- Она случайно там осталась.

- Думаете? Неужели он ни разу не сдавал куртку в химчистку?

Я посмотрела на свои ногти и тут же сжала пальцы в кулаки, так как лак местами облупился и выглядел ужасно неряшливо. Маникюр у меня был по плану только завтра, а вчера я драила всю квартиру. Я всегда так делаю, когда нервничаю.

- Евгения Павловна, а давайте на чистоту. Вы бы хотели, чтобы он вернулся домой? Такой шанс, когда мужчина ничего не помнит и особенно причину разлада в семье, бывает один на миллион.

Я резко подняла голову и посмотрела на врача.

- Инициатор развода я. Поэтому нет, я бы этого не хотела.

- А если хорошо подумать? Ведь вы приехали сюда ночью и остались с ним до утра в больнице.

- Это просто долг и...

- Евгения Павловна, я врач-психиатр, и вы можете быть со мной откровенны.

– Я с вами откровенна. Я не хочу, чтобы этот человек возвращался ко мне. Я вообще не хочу, чтобы он возвращался в мою жизнь.

– А для него это было бы очень полезно – вернуться домой. В привычную обстановку, где прожил много лет.

– Возможно. Только это совсем не входило в мои планы.

– И тем не менее вы здесь.

– То, что я сюда приехала, означает лишь, что я хотела ему помочь. Как долго вы продержите его здесь?

– Да мы и не держим. Я могу выписать его уже сегодня. Потом Антон Валерьевич вынесет свой вердикт, и вы свободны.

– Вот и отлично – выписывайте.

Домой мы ехали в электричке, так как у нас обоих не оказалось достаточно денег. Точнее, у Кирилла их не было вообще, а у меня с трудом нашлось на поезд. В городе возьму такси – Алиска спустится и оплатит. Как назло, еще и кредитку забыла дома второпях. Я искренне надеялась, что забыла, потому что вполне могла её потерять. Очень на меня похоже. Славику звонить не хотела. Я вообще не хотела думать о нашем последнем разговоре с ним. Это было слишком для моей нервной системы. Уж точно не сейчас.

Бросила взгляд на мужа, он смотрел в окно, куда-то поверх меня. Не знаю, о чем он думал. Иногда раньше любила смотреть на него и угадывать, что делается в его голове, а потом выдавать ему версии, которые он разносил в пух и прах. Только этого давно уже не было между нами. Мы и виделись последнее время перед расставанием только по вечерам и воскресеньям.

А сейчас я впервые видела его настолько близко за этот год, и мне было больно на него смотреть. Казалось, что он и не был мне родным никогда, может мне все это приснилось? Почти не изменился за это время, только похудел немного, и щетина появилась на скулах, пару морщинок у глаз... тех самых, в которые я влюбилась. Он никогда не был красивым, но в нем была та самая дикая харизма, от которой женщины теряют голову. Она заключалась в том, как он говорил, в повороте головы, в том, как размахивал руками и поднимал брови, в том, как смотрел или ухмылялся, и его чувственные губы всегда вызывали непреодолимое желание тронуть их кончиками пальцев. Он всегда напоминал озорного мальчишку, у которого в голове куча всяких фантазий, стрелялок, шутеров, американских горок и прочих аттракционов.

Вспомнила, как он улыбнулся мне в первый раз, и я подумала о том, что такие улыбки нужно запретить законом. Подумать только, я столько раз целовала это лицо, гладила пальцами, а сейчас я сижу, как натянутая струна, и внимательно слежу, чтобы не дотронуться до его колена ногой.

Между нами повисло молчание, которое я нарушать не собиралась. Я была слишком взволнована своей собственной реакцией на него сегодня утром. Меня словно отшвырнуло лет на двадцать назад в период нашего знакомства, когда от одного его взгляда пересыхало в горле, и мне это не нравилось.

- Может, расскажешь мне немного... обо мне. Ехать еще часа два.

Я даже не обернулась, вглядываясь в осенние пейзажи за окном. Нужно поменьше на него смотреть. Я просто соскучилась. Точнее, это дурацкая привычка по нему скучать, но можно ведь отвыкнуть, а когда отвыкну – это тоже станет привычкой. Невероятно логично.

- Тебя зовут Кирилл Сергеевич Авдеев. Тебе сорок три года.

«И ты редкостная сволочь».

- Ты сказала, мы в состоянии развода, а сколько лет прожили вместе?

- Двадцать один год, и у тебя есть три дочери. Старшей шестнадцать, средней двенадцать и младшей пять.

- Ох ты ж... ничего себе, - он даже выдохнул и прищелкнул языком. Его глаза округлились. Он всегда делал такие глаза, если его что-то шокировало. Когда-то это вызывало у меня приступы хохота.

- И как их зовут?

- Старшую - Алиса, среднюю Маша и младшую Лиза. Имена выбирал ты.

- А работаю я, наверное, ювелиром, да?

- Это почему? - я резко обернулась, но увидев его усмешку, поняла шутку и еле сдержалась, чтоб не усмехнуться в ответ. - Нет, ты не ювелир, хотя у тебя определенно есть талант к ювелирной работе.

- Так чем я все-таки занимаюсь?

- Бизнес по автозапчастям к иномаркам. Раньше ты работал с партнером, но вы поссорились, и теперь ты сам по себе. В нашем городе у тебя пять небольших магазинов, три из них ваши совместные со Славиком и два ты открыл самостоятельно. Год назад вы сильно повздорили, и больше ты с ним не работаешь. Насколько мне известно, ты пытаешься отжать у него парочку ваших общих проектов. Кстати, один из магазинов мы будем проезжать при въезде в город.

- Значит, я бизнесмен. Круто. То есть явно не бедствую. Это все или есть еще что-то?

- Это то, о чем мне известно, может быть, есть и что-то, чего никто кроме тебя не знает.

- Например, торговля наркотиками, оружием и донорскими органами?

Я посмотрела на него, чувствуя, как начинаю злиться, потому что мне захотелось рассмеяться.

- Все возможно.

- То есть я довольно загадочный и мрачный тип?

- Типа того, - хмуро ответила я и снова отвернулась к окну.

- А мои... мои дочери, они тоже меня ненавидят, как и ты? Или с ними мне повезло больше?

Я резко обернулась, чтобы понять шутит он или нет, но он оставался очень серьезным.

- Твои дочери тебя любят. Наш развод не имеет к ним никакого отношения. Почему ты решил, что они должны тебя ненавидеть?

Он пожал плечами и потер пальцами переносицу, явно начинал нервничать.

- Ну я так понял, что у меня была жена, но она меня терпеть не может, у меня был друг, и с ним мы не в лучших отношениях. Вот я и решил, что, возможно, и с дочерьми все паршиво.

- Нет, там у тебя все хорошо, Авдеев. Девочки встречаются с тобой каждые выходные, и вы перезваниваетесь среди недели.

- Охренеть, - он усмехнулся и снова выдохнул. - Мне сорок три года, я прожил двадцать лет в браке, имею трех дочерей. Когда я пришел в себя, мне казалось, что у меня все совсем по-другому.

- Да, ты уже говорил, что тебе казалось, что ты не женат, что твой мозг не засорен ненужными воспоминаниями, и ты открыт для новых встреч и свершений.

- А родители? Мои родители они живы?

- Да, твою маму зовут Светлана Владимировна, она очень милая женщина, и мы часто с ней общаемся.

- А отец?

Я отвела взгляд и принялась рассматривать затертые бордовые треугольники на спинке сидения впереди меня.

– Сергей Артемович умер шесть лет назад, у него был рак головного мозга. Слишком поздно обнаружили и... Мне очень жаль. Он был хорошим человеком. Я его любила... как родного отца.

Перед глазами возник образ свекра, скромные похороны и плачущий у меня на плече муж, который держался около недели, чтобы поддержать мать, а потом разрыдался как ребенок и не мог успокоиться, а мне казалось, что я его боль кожей впитываю, и сама с ума схожу, потому что ничем помочь не могу. Только рядом сидеть и по волосам гладить, ждать, когда сам успокоится.

В этот момент зазвонил мой сотовый, и на дисплее высветилась фотка Алисы. Мой муж жадно уставился на экран телефона.

– Это... это старшая, да? Алиса?

Я утвердительно кивнула и ответила дочери, украдкой поглядывая на лицо мужа и на то, как от любопытства у него затрепетали ноздри.

– Да, милая.

– Ну что вы там?

– Едем домой. На электричке. Скоро будем.

– Папа поднимется к нам?

Я задумалась на несколько секунд, но Машка тут же отобрала у нее телефон и затарахтела мне в ухо.

– Маам, бабушка приготовила борщ и картошку жарит, а еще она налепила вареников, которые папа любит, и компот клубничный сварила. Мааам, бабушка сказала мне, что его избили, обокрали и он ничего не помнит... пусть он поднимется, пожалуйста.

Я слышала, как слегка дрожит её голос, и поняла, что мой лягушонок очень сильно этого хочет. Все они нанервничались. Захотелось ее подбодрить.

- Хорошо, он поднимется и поест у нас, а потом поедет вместе с бабушкой к ней домой.

- Урааа, Алискааа, она согласилась, иди гнома умывать и переодевать.

- Сама её умывай, кикимора.

- Не называй сестру кикимора, - краем глаза увидела, как муж усмехается.

- Она покрасила прядь волос в зеленый цвет, - крикнула Алиса в трубку и тут же добавила, - и Лизке тоже.

- О Боже!

- Маам, я не покрасила - это спрей, не волнуйся, он смывается, - Машка опять отобрала у сестры телефон, - ты правда к нам его везешь, да?

- Отдай мой телефон, кикимора.

- Сама такая!

- ТАК! Хватит орать и ссориться, а то я передумаю.

Они тут же притихли обе, и я шумно выдохнула.

- Кто-то гулял с Рокки?

- Кикимора гуляла.

- Алиса!

- Да, Маша погуляла с утра. Маам, заскочите в супер, купите коту корм.

– Вот уж нет. Мы без машины. Сами идите. Деньги в тумбочке. Ты знаешь, там в конверте.

– Знаю, мам.

– Все, давайте, мы скоро будем.

– Ма.

– Да.

– А он совсем-совсем ничего не помнит?

Я обернулась к Кириллу и увидела, что он внимательно прислушивается к нашему разговору.

– Совсем ничего. Все. Пока. Не сводите бабушку с ума.

Отключила разговор и снова отвернулась к окну.

– Твоя мама у нас дома. Она приехала к девочкам. Ждет тебя. Приготовила обед.

– У вас не скучно, я смотрю.

– Да, у НАС не скучно, – я подчеркнула нарочно, чтоб он понял, что нет никаких шансов на что-то иное, – ты её тоже не помнишь? Маму свою?

– Я ничего не помню, – уже мрачно сказал Кирилл и обхватил голову руками, – как только пытаюсь, боль в затылке простреливает и в мозгах туман растекается или патока. Я в ней вязну и вспомнить ничего не могу.

– Врач сказал, что пару месяцев лечения и, возможно, ты что-то вспомнишь. Притом твоя мама много чего тебе сможет рассказать. Я уверена, вы с ней найдете, о чем поговорить, когда уедете домой.

– Я еще даже не успел зайти к ВАМ, а ты уже думаешь о том, как я уеду домой?

– Знаешь что, Авдеев, я вообще предпочитала все это время о тебе не думать, и да, мне в напряг твое присутствие в моем доме, но дети очень переживали за тебя и хотят тебя видеть. Вот и все. Не нужно ничего усложнять.

После моих слов около получаса он молчал, а я изо всех сил старалась не пялиться на него и смотреть только в окно. Но краем глаза видела его пальцы, как он отбивает что-то ими по колену. Он всегда так делал, если нервничал, и сейчас он явно очень нервничал.

– Почему мы разводимся? – это было неожиданно, я даже прикусила кончик языка. Медленно повернулась к нему.

– Люди иногда разводятся. Надоедают друг другу, пропадает желание жить вместе, видеть друг друга, и они расходятся, не справившись с банальными бытовыми проблемами.

– Но ведь у нас все не так было, да?

Он слегка прищурился и теперь сверлил меня одним из своих коронных взглядов, от которых мне всегда становилось тесно и душно. Они не предвещали ничего хорошего.

– Почему ты так думаешь?

– Не знаю... у меня есть такое ощущение, что у нас все было иначе. Если бы мы с тобой надоели друг другу, мы бы остались друзьями, и ты бы не ненавидела меня так сильно.

– Почему ты решил, что я тебя ненавижу?

– Вижу по твоим глазам. Когда ты смотришь на меня, они темнеют и начинают сухо блестеть, словно ты хочешь поджечь меня ими заживо. Я что-то натворил, да?

– Это теперь не имеет никакого значения, и я не хочу это обсуждать. Прости, мне по работе мейлы пришли, ответить надо.

И я уткнулась в свой телефон, надеясь, что до конца пути он будет молчать.

ГЛАВА 7

Я и в самом деле ничего не помнил. Как будто в моей памяти кто-то задернул матовую белую шторку, как в душевой кабинке. Я вижу за ней силуэты и слышу голоса, но, когда дергаю её в сторону, там еще одна такая же и еще, и еще.

И так до бесконечности. Нет, это даже не чертовая матрешка, а именно матово-туманное ничего. Я всем существом знаю, что за этой шторкой прячется мое прошлое. И чем больше я копаюсь в себе, тем больше прихожу в отчаяние из-за собственного бессилия. Первый день меня пичкали лекарствами, и я вел долгие беседы с врачами. Мне это напоминало допросы у следователя и психологические пытки. Самое интересное – я прекрасно знал, что это означает. То есть полностью осознавал себя, как личность. Например, точно понял, что курю, так как от запаха сигарет, который доносился с лестничной клетки больницы, мне захотелось курить, и я инстинктивно начал искать пачку у себя в карманах и в прикроватной тумбочке. Так же точно знал, что умею водить машину, и она у меня есть – в кармане куртки были ключи от «БМВ», если только я не один из тех лохов, которые ездят на жигули, а на ключах таскают брелок со значком мерса, чтоб другие решили, что у него крутая тачка. Я определенно люблю черный крепкий кофе, не ем рис, умею читать и писать, но, черт возьми, это мне ничем не помогало.

Я все равно не помнил ни кто я, ни как меня зовут, ни сколько мне лет. Мы с доктором скрупулезно пытались собрать мою личность из обрывков и догадок, и на третий день я имел примерное представление о себе. Мне от тридцати пяти до сорока лет, я не беден, так как одет, по мнению врача, очень прилично. Меня, скорее всего, стукнули по башке и обокрали. Я точно не местный. Городок у них маленький, и все всех знают, меня же здесь видят впервые. Следователь, который тщетно пытался меня допросить по факту ограбления и составить протокол, это подтвердил.

А еще я женат. Ну или был женат. На безымянном пальце кольцо обручальное и явно не новое. На четвертый день после того, как врач любезно мне помог обзвонить полицейские участки и больницы в ближних городах, в попытке найти

заявление об исчезновении с подходящим описанием, я понял, что меня никто не ищет. Значит, либо я долго отсутствовал дома по работе, либо я та еще сволочь, которая никому не нужна.

Думать о том, что я неудачник, у которого к сорока годам ни кола, ни двора, мне не хотелось. «Сволочь» звучало определенно приятнее. Лучше быть тварью, чем неудачником – так веселее. Но весело мне не было совершенно. Я храбрился. Хотя и понимал, что если никто не объявится в ближайшее время, придется в город ехать в психиатрическую клинику и валяться там бревном бесполезным, пока мне не подлатают мозги. Пропасть у меня в голове явно огромная, с рваными краями и шторкой. Да, мне понравилось думать, что там шторка. Потому что рано или поздно за ней хоть что-то окажется.

На пятый день я умудрился найти в дырке в кармане куртки клочок бумаги с аккуратно выведенным номером телефона и припиской «дом». Судя по тому, что бумажка слегка пожелтела и помялась, она там лежит довольно долго. Я наскрябал на обратной стороне пару цифр и понял, что почерк точно не мой. Пишу я как курица лапой. А тут каждая цифра выведена ровненько, с такой тщательностью, возникло ощущение, что писала женщина. Наверное, моя жена. Тогда почему она меня не ищет?

А еще я там нашел пуговицу. Большую темно-коричневую пуговицу. Просмотрел все свои вещи, но она явно была не моей, и на ней виднелись оборванные нитки, словно её выдрали с мясом. Справа небольшое пятнышко. Я его ногтем потер, и на пальце коричневый развод остался. На кровь засохшую похоже.

Странно все это... как и обручальное кольцо, которое не сняли при ограблении. Было ли ограбление на самом деле? Вопросов до хрена, а ответа ни одного.

Попросил Антона Валерьевича позвонить по этому номеру только ближе к ночи... Потому что вдруг стало страшно. Да, невыносимо и адски страшно, что в этом доме меня не ждут, или что я не готов вдруг увидеть совершенно незнакомых мне людей, которые назовутся моими родственниками, и ничего к ним не почувствовать. Доктор успокаивал меня, что, скорее всего, настолько негативных эмоций у меня не возникнет, но я все равно дьявольски боялся. Все чаще и чаще смотрел на обручальное кольцо, вертел его вокруг пальца, пытаюсь хоть что-то вспомнить, и с ума сходил от острой головной боли. Она тисками сдавливала мне голову, и хотелось биться лбом о стены, лишь бы она прекратилась.

Посмотреть на свое отражение в зеркале решился не сразу, но молоденькая медсестра уверяла меня, что я симпатичный (так и сказала, слово дурацкое, так о котиках и щенках говорят), и предлагала глянуть в её пудреницу, чтоб в этом убедиться. Ее глаза влажно поблескивали, и она смущенно опускала взгляд, когда я говорил какие у нее стройные ножки. Знал, что мог бы отыскать медсестричку где-нибудь в укромном углу, и знал, что она не откажется. Придется так и сделать, если за мной никто не придет, жить-то где-то надо. А медсестричка не замужем и, судя по её рассказам, снимает квартиру неподалеку от больницы. Определенно, есть женщины, которым нравятся беспомощные мужики, за которыми надо ухаживать и заботиться о них. По глазам Верочки видел, как она смотрит на меня, когда швы мне на лбу протирает или градусник подает. Наверняка думает о всякой романтической хрени, а мне банально надо найти место, где можно переночевать, поесть и... да, потрахаться. Раз меня никто до сих пор не нашел, то, судя по всему, птица я вольная и делать могу, что хочу. Верочке я продолжал говорить комплименты, но зажимать её пока где-нибудь на лестнице в курилке не собирался. Успеется еще. Пусть разогреется до нужной кондиции.

Я все больше понимал, что в психушку не поеду. Если не вспомню ничего, значит, найду. Ну или через месяц меня точно кто-то хватит. А может, от меня вообще избавились, черт его знает. Мало ли во что я мог вляпаться. А я мог? Точно не знаю, но определенно я не из тех, кто мирно-тихо сидит на месте. Я ж приехал в эту дыру за чем-то. Интересно, за чем, а может, за кем?

Когда все же решился рассмотреть свое отражение, начало потряхивать от волнения, и я долго не мог поднять голову, стоя у ржавого крана и умываясь в десятый раз ледяной водой. Вроде так просто – возьми и посмотри. А меня застопорило. Не могу. Оказывается, вспомнить тоже страшно. Примерно так же, как и не помнить. Вон он я и не я. Потому что не знаю себя. На что способен. О чем обычно думаю. Чего хочу от этой жизни, к чему стремлюсь. Каков он – смысл моего существования. Ведь он должен быть? Вот у моего соседа по палате, с вывернутой при аварии шеей, он имелся – трахнуть Верочку, да так, чтоб жена не пронюхала, а еще футбол по выходным и пара книжек из библиотеки на тумбочке. И он, между прочим, счастлив. По его физиономии видно, когда жуёт принесенные женой блинчики и нахваливает её кулинарные способности, а сам голодным взглядом Веркины ноги провожает. Интересно, я тоже был таким? Мне казалось, что нет. Не то что на женщин других не смотрел, я был уверен, что если хотел трахать, то взглядом не провожал, а трахал. Вопрос в другом – хотел ли?

Вид собственной физиономии не вызвал никакого щелчка, ни каких-либо ассоциаций. Обычная рожа, слегка помятая, с короткими бородой и усами, с усталыми глазами и несколькими ранами на лбу и виске. Судя по тому, что борода довольно ухоженная и аккуратно подстрижена – мне этот стиль нравился, и я его холил и лелеял.

Пригладил волосы руками и потер подбородок. Мыслей о том, знаю ли я этого мужика в зеркале, не возникло. Кажется, именно таким я и должен быть. Долго себя рассматривал, вертелся в поисках татуировок, шрамов, родинок. Татушку нашел на плече – огромный орел с расправленными крыльями. О чем я думал, когда его набивал? Что может символизировать орел? И почему именно он, а не лев, тигр или волк, например?

Парочку шрамов. Они мне ни о чем не говорили, и я не помнил – кто и где меня ими наградил.

«Наверное, ты та еще скотина, раз до сих пор тебя не начали искать. И что будешь делать, если никто так и не придет?».

Я все же отнес номер телефона врачу и согласился на убойную дозу обезболивающего и снотворного. У меня развилась бессонница. Я всю эту неделю не спал почти. По ночам не мог глаза закрыть. Мне казалось, что увижу во сне что-то из прошлой жизни, и мне это не понравится. Но когда вырубался, ни черта мне не снилось. Я проваливался в какой-то каменный мешок, в полную и глухую темень и просыпался, как от резкого толчка, едва лишь занимался рассвет. Открывал глаза, прислушивался к себе, а там опять все та же шторка.

Верочка любезно принесла мне кофе из ординаторской, сказала, что ночью какая-то красивая женщина мужа своего искала. Не меня точно, иначе уже зашла б ко мне с пакетиком яблок и сладостей, накинув на плечи белый халат. И непременно с заплаканным лицом. Так трагичней. Но та женщина явно зашла к кому-то другому, а мне заботливо предложили рогалик с повидлом из больничной столовой и кокетливо похлопали голубыми глазками. Нет, милая, за рогалик я тебя трахать не буду, вот за хороший бифштекс еще б подумал. Все же определенно я сволочь. Верочка ушла, пообещав заглянуть ко мне после обхода. Можно подумать, я её об этом просил. Навязчивые женщины хуже надоедливых мух.

Смотрел в окно, ожидая обход, а потом заметил ЕЁ в темно-синем пальто с пакетом в руках и пластиковым стаканчиком. Засмотрелся на роскошные волосы. Очень густые, светло-пшеничные. Ветер их швырял в разные стороны, а она шла и листья носком сапога поддевала, сжимая двумя руками стаканчик. Как девчонка. И каблуки громко по асфальту стучат. У меня в голове музыка сама собой зазвучала... Странно так – она идет, а у меня музыка в ушах стоит.

Мир был в огне,

Никто не мог спасти меня, только ты.

Странно, что желание заставляет

глупых людей делать,

Я никогда не мечтал, что встречу кого-то, как ты,

И никогда не мечтал, что потеряю кого-то, как ты

(c) Wicked game (Chris Isaak)

– Эй, Железнодорожник?! – мой сосед по палате, с толстым поролоновым валиком на шее, только проснулся. Они меня все так называли, потому что имени я своего не помнил. – На кого засмотрелся там? Пошли завтракать.

– Не голоден, спасибо, Сев.

- Верочка притащила завтрак, да? Соблазняешь девку, кобель чертов. Загадочные мужики-психи всегда баб привлекают. В следующий раз притворюсь, что ни хрена не помню.

- Нет, Верочка просто жалостливая и хорошая девочка, а у тебя жена есть, Сева. Симпатичная, между прочим.

- Ну да, конечно. Очень хорошая, раз тебе таскает кофе и булочки из буфета на её кровные купленные. Знаешь, Железнодорожник, своя на то и своя, а хочется не свое хоть разочек... Эх, не светит мне любовница-медсестра.

- Не завидуй, Сева. Зависть - это плохо. Не помню насколько, но точно плохо. Иди поешь лучше.

- Да как не завидовать?! Месяц тут подушку давлю, а Верка меня не замечает, - он с кряхтением слез с постели и пошлепал ко мне, шаркая задниками тапок по деревянному полу, стал рядом.

- Ого. Ничего себе птичка залетела в нашу дыру. Знаешь ее?

- Ну да. Вот взял прям с утра все неожиданно вспомнил и узнал.

- Роняй слюни, а я пошел манку поем и чаю попью. Сигарет бы где раздобыть. Может, попросишь Верку купить? Я денег ей дам.

- Сам проси.

- Просил уже - послала меня.

- И правильно сделала. Ты кашляешь, как туберкулезник, спать по ночам не даешь.

- Так то от недостатка никотина. А дамочка ничего такая, ладненькая. Люблю баб при теле, не тощих. Подкати, а вдруг подфартит. Твоя благоверная явно за тобой не торопится ехать. Слушааай, блин, а вдруг это она тебя с любовником того... прикончить хотела.

Я повернулся к соседу и посмотрел в его чуть раскосые темные глаза с отеками от лекарств веками.

– Ага, из-за наследства огромного или страховки, – я бросил взгляд на его тумбочку, где белел старый томик Чейза, – начитался, да?

– А что? В жизни все бывает. Все, я ушел.

За ним захлопнулась дверь, а я все еще смотрел на женщину во дворе. Не знаю, кем я был в прошлой жизни и насколько быстро увлекался, судя по моим мыслям о Верочке, то на крючок попадался далеко не сразу, а, скорее, сам любил ловить добычу.

Но эта женщина почему-то сразу вниманием завладела. То ли поворот головы и походка, то ли вот эти руки, сжимающие стакан, и роскошные волосы. Оказывается, мне очень нравятся длинные женские волосы. Я не видел её лица, но видел аккуратный силуэт темно-синего пальто с туго завязанным на талии поясом и стройные ноги, затянутые то ли в чулки, то ли в колготки. Женщина пошла по тропинке к скамейке, а я следил за ней взглядом, отпивая из чашки кофе и чувствуя, как сильно закурить хочется. Сам не понял, как набросил куртку и вышел во двор, щурясь от яркого осеннего солнца. Последние теплые дни. Бабье лето. О, и это я знаю. Помню, кто такой Чейз, но не помню, кто такой я сам.

Когда подошел к ней и спросил разрешение присесть рядом, женщина глаза на меня подняла медленно, и все... Понимаете, все. Это было, как удар по башке. Посильнее того самого кирпича, которым меня оглушили неделю назад и вышибли все мозги.

Я смотрел в её темно-зеленые глаза и ощущал, как пересыхает в горле, до меня доносился её запах – смесь цветочного парфюма и шампуня для волос. Я почему-то отчетливо представил, как зарываюсь в эти волосы пальцами, лицом, и она в этот момент подо мной лежит с запрокинутой головой и закатывающимися глазами. В паху прострелило возбуждением похлеще, чем от Верочкиных ног в черных колготках под коротким халатиком. Вот он – адреналин, когда в жар бросает от одного взгляда и возбуждает даже взмах ресниц. Я на её губы посмотрел, на то, как провела по ним кончиком языка.

В ней не было кокетства или жеманства, как в той же медсестре. Она была самой настоящей женщиной с мягкой аурой очарования и скрытой бешеной сексуальностью. Не знаю, откуда я все это понимаю про сексуальность, шарм, очарование, но оно заложено где-то там, в моей подкорке мозга, откуда стерлось далеко не все. Да и понятие «красивая женщина» там тоже осталось... нет, не так – шикарная. Взрослая, уверенная в себе шикарная женщина. Не помню, что я ей говорил, только взгляд мне показался странным, наверное, так не смотрят на незнакомцев. Хотя откуда я знаю, как на них смотрят. Я ей не понравился. Такое чувствуешь сразу. Неприязнь. Она тут же подальше отодвинулась, когда я сел рядом. Говорил ей какую-то чушь, а сам смотрел и думал о том, что вот её б затащил и на лестницу и прям тут на лавке разложил. Кажется, в прошлой жизни у меня долго не было женщины. Я теперь так называл это – прошлая жизнь. А самого себя Железнодорожником или сволочью, который не оставил мне ни намека на то, кем я был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/soboleva_ul-yana/ya-tebya-ne-znayu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)